ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ
РУССКАЯ ФАНТАСТИКА
ЛОВИТЕ КОНСКИЙ ТОПОТ. Том 1
ДОЛГОЖДАННАЯ
НОВИНКА
ОТ МАСТЕРА
АЛЬТЕРНАТИВНОЙ
ИСТОРИИ

Василий Звягинцев

Ловите конский топот. Том 1. Исхода нет, есть только выходы…

Серия «Одиссей покидает Итаку», книга 15

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171890
Ловите конский топот : фантастический роман в 2 т. Т. 1 : Исхода нет, есть только выходы…:
Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-31137-8

Аннотация

Александр Шульгин, а вслед за ним и Андрей Новиков надеялись, что дуггуры, столкновение с которыми в одной из альтернативок едва не стоило Шульгину жизни, так и останутся лишь эпизодом в их богатой на приключения судьбе. Однако дело оказывается намного серьезнее, а возможности новых врагов – значительно разнообразнее. Появляется реальная угроза захвата дуггурами Земли Главной Исторической Последовательности и прекращения ее дальнейшего существования. Андреевское Братство снова начинает бой во времени и пространстве. Теперь его полем становится Южная Африка конца XIX века. И не случайно. Ведь разгоравшаяся там и тогда англо-бурская война, о которой наши современники знают в лучшем случае по романам Конан Дойла и Буссенара, имеет для будущего гораздо большее значение, чем просто эпизод в британской колониальной политике…

Содержание

Глава первая 4
Глава вторая 16
Глава третья 27
Глава четвертая 40
Глава пятая 51
Глава шестая 58
Конец ознакомительного фрагмента. 67

Василий Звягинцев
Ловите конский топот
Книга первая
Исхода нет, есть только выходы…

Пять лет описывал не пестрядь быта,
Не короля, что неизменно гол,
Не слезы у разбитого корыта,
Не ловкачей, что забивают гол.
Нет, вспоминая прошлое, хотел постичь я
Ходы еще не конченной игры.
Хоть Янус и двулик, в нем нет двуличья,
Он видит в гору путь и путь с горы.
Меня корили – я не знаю правил,
Болтлив, труслив – про многое молчу.
Костра я не разжег, а лишь поставил
У гроба лет грошовую свечу.
На кладбище друзей, на свалке века
Я понял: пусть принижен и поник,
Он все ж оправдывает человека,
Истоптанный, но мыслящий тростник.

И. Эренбург

Глава первая

Из записок Андрея Новикова

…Не так уж давно, пару месяцев назад по времени Югороссии, я глубоко, но непродуктивно задумывался о так называемом «кризисе среднего возраста». Вообразил, что он и ко мне подобрался внезапно, как настигает *нормальных* мужиков, независимо от общественного, финансового, семейного положения. Просто организм (и психика) подходят к некоему рубежу, определенному, может быть, еще на уровне кистеперых рыб. Появляются у человека мысли, что дошел он до грани, разделяющей жизнь на две принципиально разные части. До того – «на ярмарку», после – «с ярмарки». «Фаза надлома», как формулировал Лев Гумилев. Все, что казалось важным, – достигнуто или уже не будет достигнуто никогда. Время упущено, и энтузиазм повыветрился. «Крейсер под моей командой никогда не войдет в нейтральные воды…» Но впереди добрая половина или треть отпущенного срока, и непонятно, какой жизни следует придать смысл в рамках оставшихся возможностей.

Если сложить все прошедшие с начала нашей эпопеи годы, со всеми межвременными переходами, так и получится, что мне совсем недалеко до сорока. Самое время затосковать и либо смириться с вплотную подступающей старостью и перспективой инерционного угасания, либо попытаться кардинально изменить свою жизнь. Сменить профессию, жену, страну обитания, а то и просто запить. Тоже способ. Приходилось наблюдать и те, и другие варианты.

Но ведь ко мне вся эта теория отношения не имеет? Нет никаких объективных оснований для депрессии, утренней адреналиновой тоски, не нужно думать, что на работе мало платят, начальники – гады, общественный строй – невыносимое дерьмо. А все равно – вкус

к жизни словно потерян, и думается не о хорошем, а преимущественно о разных пакостях, которые даже и в нашем положении непременно присутствуют.

Ирина косо взглянула, не то сказала, в газетах, особенно зарубежных, печатают всякую ерунду о Югороссии и ее правителях. Обывательская среда неумолимо теснит былой героизм и романтизм, боевые капитаны и полковники нанимаются в маклеры, вообще все вокруг происходит не так, как задумывалось и представлялось. Душу обуревают мысли о тщетности и бренности. Чистый декаданс, не иначе. Только декаденты маялись в предвкушении эпохи ужасных перемен, а я – после…

Войны, сражения, сложные комбинации на мировой шахматной доске, где кое-чего удалось добиться, сердце больше не греют. Ну, хорошо, ну сделали мы вот это – а толку-то?

Поблистали, можно сказать, перед людьми из прошлого и будущего, кого-то от чего-то спасли, а они все равно ничего по-настоящему не поняли. Не смогли оценить «красоту игры». В той мере, чтобы сказать лично мне: «Андрей Дмитриевич, как мы вам благодарны! Вы единственный человек в этом мире, который все знает, все понимает и все может… Мы вас обожаем и готовы ставить вам памятники на каждом перекрестке!»

А я бы ответил: «Да, все так и есть. Ставьте. Я же буду приходить к ним ранним утром, когда солнце только-только собирается подняться над горизонтом, проспекты пусты и чисты, только дворники шаркают метлами, воздух свеж и прозрачен, и искренне хочется верить, что простокваша действительно вкуснее и полезнее белого хлебного вина. В этот самый час, смущенно оглядываясь по сторонам, буду натирать своих бронзовых истуканов солдатским асидолом, чтобы ярче блестели…»

Сумрачно у меня было на душе. Ничего не хотелось. Во время приступов сплина в голову приходили самые дурацкие мысли.

Что же, действительно прав Александр Блок? «Ночь, улица, фонарь, аптека. Бессмысленный и тусклый свет. Живи еще хоть четверть века, все будет так. Исхода нет». Да он ведь и сам по-крупному ошибся. Горевал, что нудная, застойная, бессмысленная (по общему тогдашнему настроению) дореволюционная жизнь будет длиться бесконечно. Но не прошло и года, как все вдруг так завертелось, что воспетая им «очистительная революция» уволокла его своим водоворотом. Не в эмиграцию, не к стенке, как Гумилева, а заморила голодом и депрессией. Где-то я читал, что его большевики отравили, потому и за границу не выпустили для лечения. По-моему, это чистый вздор. Кому он нужен был, в то бешеное время, чтобы специально такие многоходовки затевать? Мешал – шлепнули бы в подворотне, и концы в воду. Нет – отпустили бы или выслали за границу, как тех же философов, Алексея Толстого (тоже был – не последняя литературная фигура) и других-прочих.

Что-то меня опять в дебри занесло…

Иногда, листая газеты и глядя на огромный, двухметровый, изумительно подробный глобус, что я завел себе в подражание Гитлеру и Сталину, воображалось разное. Учинить, скажем, англо-германо-французский конфликт. Подсказать немцам, с нашей помощью почти восстановившим боевой потенциал, что пора бы отнятые у них союзниками колонии обратно себе вернуть. Фон Мюкке канцлером сделать, а самим к нему консультантами и военными советниками устроиться. И мне развлечение, и реваншистские настроения будущих нацистов в безопасную сторону перенаправить, на африканский фронт сплавить всех арийских пассионариев…

Или, что гораздо забавнее, договориться с Ростокиным и Суздалевым, устроиться волонтером в очередную межзвездную экспедицию, слетать в систему Антареса, посмотреть, где ж там все-таки прячутся не известные ни агграм, ни форзейлям пришельцы, интересующиеся человеческой психоэнергией… Глядишь, о чем-нибудь с ними и договорились бы.

Слегка развлекли появившиеся на нашем горизонте бравые ребята из новой параллели – 2005, Ляхов, Тарханов, Великий князь и прочие. От них открылась дорога в наше родное «будущее» – прямое, через двадцать лет ровно, продолжение Главной исторической последовательности. Мы, как положено, в чужие разборки влезли, на короткое время снова стало шумно и весело. Настолько весело, что едва удалось удержаться на самом краешке, едва-едва не попасть в лапы жаждущей реванша Дайяны и ее верного паладина Лихарева [1]. С совершенно непредсказуемыми последствиями. Вплоть до *развоплощения*…

Однако и тут выкрутились. Я давно перестал удивляться подобным вещам. Двести с лишним лет назад один армейский лекарь сказал по поводу Кутузова, выжившего после двух сквозных ранений в голову (тогдашними круглыми свинцовыми пулями), без антибиотиков, анестезии, асептических и антисептических методик: «Несомненно, этому полковнику суждены великие дела».

Наверное, нам тоже кое-что еще суждено, для чего и берегут нас высшие силы или непознанные законы мироздания.

Как всегда после участия в крупномасштабных операциях, требующих соединения всех сил нашего «Комитета по защите реальности» и Братства целиком, персонажи вновь разбежались по миру, кто поодиночке, кто сбившись в очередные «кружки по интересам».

Шульгин с Анной, Воронцов с Натальей, Ростокин с Аллой, лейтенант Белли и какое-то число «соратников и кандидатов» возвратились в новозеландский Форт Росс. Отдыхать, заниматься текущими делами, продолжать исследования загадочного тоннеля, ведущего в «боковое время». Братья-аналоги Ляховы и Тарханов со своими подругами никак не хотели оставлять эту перспективную тему, да и воинский долг не позволял им дезертировать в иные миры, пока Отечество в опасности. А что опасность сохранялась, никаких сомнений не было.

Только мне это вдруг стало не слишком интересно. Что бы я делал хоть в одном 2005 году, хоть в другом? Возглавить «Черную метку» и в качестве какого-нибудь глубоко законспирированного «сионского мудреца» наводить порядок в новой России? Для чего? Это означало бы принять на себя функции Ирины, Сильвии, Антона. Равновесие мира поддерживать…

Так я от этого отказался шестьюдесятью годами позже. Пусть сами разбираются, с меня хватит и Югороссии. Здесь я себя чувствую не в пример уютнее. Осмысленнее, по крайней мере. Люди интереснее, исторические перспективы понятнее, и имеется определенный общественный статус, вполне меня устраивающий.

Старым приятелям, сумевшим дожить в Главной реальности до реставрации капитализма и хорошо меня встретившим, я помогать, конечно, буду. И советом, и деньгами, и вооруженной силой, если потребуется. Но жить предпочитаю здесь.

Лариса с Олегом, наоборот, решили, что им интереснее в «ноль пятом», теперь, впрочем, уже «шестом». Лариса настолько вжилась в роль богатой вдовы, госпожи Эймонт, приобрела недвижимость, обзавелась знакомствами, что возвращаться ни в Москву, ни в Харьков примитивных, на ее вкус, времен не пожелала. Цивилизация эпохи возрожденной монархии ее полностью устраивала. Ну и слава богу. Придется, мы к ним подскочим в Кисловодск, иначе сложиться – у них есть надежное убежище. Тут мы друг другу тылы прикрыли.

…Я стоял на широкой веранде нашей с Ириной виллы в Гурзуфе, смотрел, поеживаясь от утреннего бриза, на облако странной формы вроде усеченного конуса, обмотанного топологически непредставимой тороидальной конструкцией. Оно выплывало из-за гор, одно-

[1] См. роман «Хлопок одной ладонью».

единственное на чистом зеленоватом небе, похожее на тот космический корабль, что обнаружили на коричневой планете герои «Туманности Андромеды». Я с самого пятьдесят седьмого года жалел, что Иван Антонович оставил эту тему ради никому не нужных попыток изобразить коммунистическую утопию на Земле. Как бы интересно было узнать, что там внутри «спираледиска» и откуда взялся ужасный «крест». Хорошая книга могла получиться!

Из всего вышесказанного следует, что никаких комплексов и кризисов лично у меня не имеется. Обычная скука, настигающая человека, привыкшего (или созданного для) к постоянному балансированию на грани жизни и смерти, а раньше, в нормальной советской жизни – на грани дозволенного и запрещенного.

Хорошо по этому поводу сказано одним известным поэтом в память о куда более известном страннике и первооткрывателе.

…Все подвиги его давно известны,
К бессмертной славе он приговорен,
И ни одной душе не интересно,
Что этой славой недоволен он.
Она не стоит одного ночлега
Под спальным, шерстью пахнущим мешком,
Одной щепотки тающего снега,
Одной затяжки крепким табаком… [2].

Так и есть. Слава тебе, Господи, если ты есть, что сделал нас именно такими. На сто рублей в месяц жили и не скулили, готовые отдать десятку и больше за хорошую книжку барыгам на Кузнецком Мосту, от души гульнуть на последнюю копейку, не заботясь о дне грядущем. И теперь, получив возможность распоряжаться миллиардами, не скурвились, сохранили заложенную изначально тягу к *возвышенному*.

Может быть, каждому ребенку следует лет в 8 – 10 прочитать «Таинственный остров», «Приключения бура в Южной Африке», и сразу за ними – «Граф Монте-Кристо»? Ну и «Смок Белью», разумеется. Прочесть, проникнуться, а потом вся остальная жизнь сама собой начнет выстраиваться в нужном направлении. Я, по крайней мере, не видел ни одного человека, который в начальной школе знал бы эти книжки наизусть, а потом вдруг стал убежденной сволочью.

Вот и все мы, заскучав в устроенной нами и для себя жизни, услышав звук боевой трубы, немедленно стянулись в кулак, немного встряхнулись, свершили кое-что, казавшееся нам нужным, полезным или просто соответствующее обстоятельствам и так называемому «чувству долга», – сразу и полегчало.

Знаете ли, к этой данной, или *ощущенной* нами, жизни я вообще отношусь очень своеобразно. Она, разумеется, есть, и прожить ее можно по-всякому. Особенно – получив некое подобие «бессмертия» и почти неограниченные возможности. Отчего-то подавляющее большинство людей, выделившихся из гигантской аморфной массы «мыслящего тростника», страдают болезнью властолюбия, изначально, хронически, или заболевают ее в острой форме по достижении некоего критического уровня.

Был-был человек младшим научным сотрудником, жил себе и работал, ни на что особо не замахиваясь, лишь мечтая в глубине души защитить докторскую и стать завлабом или

[2] К. Симонов. «Старик». Посвящено памяти Р. Амундсена (1872–1928), знаменитого полярного исследователя, первым достигшего Южного полюса в 1911 г.

завкафедрой. А тут случилось то, что мы увидели в своем последнем путешествии в Москву. Стал он вдруг миллионером или миллиардером, получил возможность исполнить любое свое физическое желание, и – взыграло! Денег, дворцов, яхт, молодых жен и стаи любовниц уже мало, нужна власть, причем побольше той, что уже имеется в пределах собственной корпорации. Кому в губернаторы хочется, кому в президенты, иным же – и сверх того. Совершенно по Пушкину – «владычицей морскою…».

Так вот мне этого совершенно не нужно. Я вообще предпочитаю уклоняться от всякой ответственности за кого-то или что-то, кроме самого себя. Разве что совсем уже выхода никакого нет…

Прошлепав босыми ногами по полу и на память выдернув с полки книгу в черном переплете, вернулся на веранду, по пути прихватив из бара плоскую бутылочку коньяка «КС» и пачку сигарет.

– Ты что подскочил, чего там ходишь? – окликнула меня Ирина из своей спальни. Дверь в нее почему-то оказалась полуоткрытой.

– Да так, на восход захотелось посмотреть… Спи дальше.

Я слегка испугался, что она сейчас выйдет из комнаты, поломает мой философический минор. Мне же хотелось сохранить за собой это подлинное настроение.

Но, к счастью, моя женщина удовлетворилась ответом и снова заснула. И очень правильно, что может быть лучше двух-трех утренних часов в собственной постели, самых сладких и безмятежных? Ей пока что деморализующих мыслей в голову не приходило, насколько я мог судить.

Море под обрывом и за узкой полосой галечного пляжа лежало гладким и неподвижным. Часа через два появятся здесь немногие (в отличие от советских времен) отдыхающие, а еще точнее – люди, которым нравится проводить свободное время именно здесь. Отдыхать им особенно не от чего. Как и мне.

Я, по обычной привычке, открыл книгу, где придется. И вот вам, пожалуйста. «Тоска», страница 38.

– Что ты затосковал?
– Она ушла.
– Кто?
– Женщина. И не вернется.
Не сядет рядом у стола,
Не разольет нам чай, не улыбнется.
Пока не отыщу ее следа —
Ни есть, ни спать спокойно не смогу я…
– Брось тосковать!
Что за беда?
Поищем —
И найдем другую.
……
– Что ты затосковал?
– Она ушла!
– Кто?
– Муза.
Все сидела рядом.
И вдруг ушла и даже не могла
Предупредить хоть словом или взглядом.

Что ни пишу с тех пор – все бестолочь, вода,
Чернильные расплывчатые пятна…
– Брось тосковать!
Что за беда?
Догоним, приведем обратно.
……..
– Что ты затосковал?
– Да так…
Вот фотография прибита косо.
Дождь во дворе,
Забыл купить табак,
Обшарил стол – нигде ни папиросы.
Ни день, ни ночь —
Какой-то средний час.
И скучно, и не знаешь, что такое…
– Ну что ж, тоскуй,
На этот раз
Ты пойман настоящею тоскою…

Вот именно! Как верно ощущено и написано двадцатичетырехлетним парнем, воспитанником первых пятилеток. Ему бы воспевать дороги, мосты и гидростанции, а он вдруг – про такое! Мне на его фоне – стыдно впадать в уныние. Займемся чем-нибудь другим.

Впрочем, вскоре после написания «Тоски» Симонов отправился на Халхин-Гол и следующие семь лет не вылезал с фронтов, отличаясь как раз завидным оптимизмом и личным мужеством. Так отчего бы этот опыт не позаимствовать?

Войн на своем веку я повидал достаточно, личный опыт имеется богатейший, так не пора ли, предоставив мир его собственной судьбе, уединиться на этой самой вилле здесь, в Крыму, отъехать в Форт Росс или завертеть на «Призраке» полную кругосветку, не развлечения ради, а чтобы в покое и комфорте написать, наконец, полноценный автобиографический роман? По типу «Повести о жизни» Паустовского, «Людей, годов, жизни» Эренбурга, а то и «Поисков утраченного времени» Пруста. Жалко, что хорошие названия они уже расхватали. Последнее для моего труда подошло бы идеально. Да и «В начале неведомого века» или «Время больших ожиданий» тоже звучит неплохо.

Ну да не беда, сам что-нибудь придумаю. А в принципе идея неплохая, полновесная и плодотворная. Пусть другие продолжают творить историю, а я стану ее воспевать, растолковывать и препарировать. Всем от этого будет только лучше. Мир отдохнет от меня, я – от него. Ирина же возьмет на себя роль Софьи Андреевны Толстой. Редактировать, критиковать и переписывать от руки…

Эта, в общем-то, не такая уж свежая идея настолько меня увлекла, что прихлебывая маленькими глотками коньяк и дымя сигаретой, придвинув кресло-качалку вплотную к балюстраде, я начал воображать не содержание будущего текста, а именно сам процесс творчества.

На полном серьезе отрекшись от текущих забот, я стану просыпаться на рассвете, как Джек Лондон, раскладывать перед собой письменные принадлежности – солидную стопочку веленевой бумаги, плотной и гладкой, с легким кремовым оттенком, ручку «Паркер» с настоящим золотым пером, пишущую легко и мягко, пузырек черных (непременно) чернил. Никаких компьютеров. Между рукой и бумагой не должно быть механических посредников. Работать, скажем, до полудня, пока не напишутся пять урочных страниц, после чего завтракать и предаваться простым радостям жизни.

Плавать в море, с аквалангом или без, ловить с кормы рыбу (подобно Хемингуэю), придумать еще какое-нибудь неутомительное и успокаивающее занятие. Пасьянсы раскладывать, например, или папироски набивать специальной машинкой.

После ужина читать Ирине вслух очередные страницы и обсуждать написанное. Сходить на берег в тихих, выпавших из потока цивилизации портах, где большинство туземцев, да и многие одичавшие европейцы до сих пор не в курсе, кончилась ли мировая война и с каким результатом, бродить по окрестностям, покупать изделия местных умельцев, поющие раковины, шкуры экзотических зверей. Для украшения будущего музея моего же имени.

Научиться, наконец, у могучих бронзовотелых канаков настоящему серфингу в десятиметровых волнах гавайских прибоев, на любовно выстроганных три поколения назад плавательных досках.

Разумеется, не читать никаких газет, за исключением тех, что попадутся в никому здесь не нужном кафе, устроенном изможденным малярией французом, застрявшим на Папеэте с тысяча девятьсот десятого года. Варящем кофе скорее для собственного удовольствия, потому что его единственный клиент – дезертировавший с немецкого рейдера «Эмден» лейтенант эльзасского происхождения, проживающий последние золотые марки, полученные у судового ревизора под честное слово на полгода вперед.

На этих островах, естественно, на одну такую монету можно безбедно жить несколько месяцев. А еще он единственный (назовем его лейтенант Рихтер), кто в радиусе тысячи километров умеет чинить часы, от карманных до «ходиков», и ружейные замки, хотя бы и кремневых мушкетов. Все это пользуется спросом, лейтенант, само собой, в достаточной мере одичавший, бреется тем не менее каждый день и рисует на картах прошлого века фантастические планы операций «Хохзеефлотте» [3] в грядущей войне.

Книг у него в хижине только две: «Справочник по военным флотам мира» за 1913 год и роман Карла Мая. Ту и другую он давно выучил наизусть и может цитировать с любой строчки любой страницы.

А газеты, да, от газет я отвлекся, получены последний раз пять месяцев назад. Француз, назовем его мсье Гоше, с дикой ностальгией перечитывает рекламы парижских борделей (хотя малярия лишила его всяких способностей по этой части) и курсы валют на мировом рынке в отношении к золоту. Я так подозреваю, что они вместе с лейтенантом сумели разыскать в горах и на речках сотню-другую фунтов этого желтого металла и никак не могут сообразить, кому его продать, где и за сколько. А главное – что потом делать с вырученными раскрашенными бумажками – порождением совсем другого, послевоенного мира… Предложат мне…

Ох, как здорово меня понесло! И не сто грамм коньяка здесь причина и повод – я, кажется, на самом деле переключился на врожденную, Богом данную способность. Ничего же ведь мне, честно сказать, не нужно было от той жизни, кроме как возможности писать. Не «информашки» в газету, а полноценную прозу. Любая прочая деятельность была лишь досадной необходимостью и источником впечатлений для будущих книг. Берестин, если коснуться прочего, наоборот, проявил себя талантливым художником, а хотел быть только полководцем. Что и получил, в итоге. Ну, теперь и я свое получу. Может быть…

Запомнить бы, что сейчас в мыслях крутилось. А если и не запомню, что-нибудь похожее не раз еще придумаю…

Ветер вдруг резко подул, несколько десятков желто-бордовых виноградных листьев оторвались от заплетавших веранду лоз, упали на пол и начали с тихим шуршанием ползать по выскобленному добела тиковому настилу. Я на них засмотрелся, настроение неуловимым

[3] »Флот открытого моря» – наименование морских сил кайзеровской Германии.

образом, то ли под влиянием коньяка, то ли – прилива творческой энергии изменилось. Правильно Ремарк писал, насчет способа переводить грусть обыкновенную – в грусть сладкую, и при этом плодотворную…

Да ведь и действительно, какие наши годы? Это обычному человеку рубеж сорокалетия должен казаться именно рубежом, а мне-то? Если я рассчитываю и надеюсь (не поймав шальной пули или не наскочив на болтающуюся в морях древнюю мину заграждения, сорванную с якоря) прожить еще лет пятьдесят-сто в полном здравии и не старея, к чему мне обывательские комплексы?

Жизнь, признаться, по самым строгим критериям, течет неплохо. «И мы с ею», как говорил, перекладывая на язык родных осин чеканную латынь, знакомый иеромонах [4].

После завтрака, чтобы поддержать набежавший оптимистический настрой, хорошо бы приказать заложить четверку лошадей в фаэтон или самому сесть за руль последней модели двухдверного кабриолета «Рысь», съездить в Ялту или даже Севастополь, пощекотать нервы игрой в рулетку. Инкогнито, разумеется. Проверить, действительно ли ставка на проигрыш выгоднее противоположного? Или лучше в стрелковый клуб, потешить руку на траншейном стенде? В грязный притон, где сомнительные элементы всего Крыма и прилегающих областей гоняют бильярдные шары, предварительно засовывая крупные купюры в лузы, тоже можно закатиться. Позабавимся. А уж как-нибудь потом подумаем о прочем.

Только я почти окончательно решил, что, не откладывая в долгий ящик, сообщу друзьям об уходе в длительный творческий отпуск, определюсь с местоположением «башни из слоновой кости» и – вперед, за Нобелевской или хотя бы Гонкуровской премией, как вновь вмешалась непреодолимая сила. Или, если угодно, пресловутая, с утомительной постоянностью вмешивавшаяся в наши дела **«неизбежная на море случайность»**.

У нас с Антоном контакты происходили по-разному. Бывало, он проявлял несанкционированную инициативу, то требуя от нас чего-то нужного ему то, якобы спасая нас. Бывало, и мы сами его вызывали, вмешиваясь в тайны *высших миров*. Чем дальше, тем чаще я (и Сашка, само собой), объясняли другу-форзейлю, кто есть кто и что почем. Он, последние разы, кажется, понял, насколько изменились наши «привходящие обстоятельства». И все же продолжал оставаться для нас существом, в некотором смысле *высшим*. Как твой бывший начальник, вышедший в отставку полковником, когда ты уже давно генерал, все равно при встрече пробуждает в душе лейтенантские эмоции.

Сейчас он появился не «во плоти», как Воронцову в Сухуме, и не в виде ментальной проекции через Сеть, как чаще всего нам с Сашкой, а промежуточным образом.

Веранду ровно посередине перерезала мерцающая завеса, тут же ставшая совершенно прозрачной. При этом ощущение преграды сохранялось. Не возникало желания подняться и шагнуть на ту сторону.

Антон, одетый в самые обычные джинсы, голубую рубашку и светло-серую замшевую куртку, стоял, опираясь левой рукой о край письменного стола, на котором, кроме какой-то книги, не было больше ничего. Меблировка комнаты деловая и скромная, как в рабочем кабинете небольшого начальника. Это могла быть одна из бесчисленных комнат Замка или любое его тайное обиталище в пределах Земли. Никаких намеков на инопланетность в окружающих предметах не просматривалось. Когда однажды он явился мне в интерьерах дворцовых помещений планеты, где он трудился Тайным послом, там все выглядело абсолютно нечеловечески.

---

[4] Имеется в виду латинское выражение: «Темпора мутантур эт нос мутамур ин иллис», в переводе – «Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними». Отче же излагал так: «Время текет, и мы с ею».

Мы обменялись обычными приветствиями, как будто расстались только вчера, на самом же деле прошло гораздо больше месяца после странной, какой-то очень *ненастоящей* встречи в Замке, скорее в «сфере чистого разума», нежели «в реале». Тогда он очевидным образом бодрился, но выглядел весьма чем-то угнетенным. И дал нам свой последний совет – раз и навсегда завязать с выходами в Сеть. Дал таким тоном, будто работал *под контролем* или собрался умирать.

Учтя его совет, или собственным разумением, мы и не лазили туда больше, обходились подручными средствами.

– И что же вновь свело нас на этом перекрестке, друг мой? – спросил я с некоторой надменностью, которой пытался замаскировать неготовность к тому, что наверняка предстоит. Антон зря не приходит. Потрепаться на возвышенные темы он и без нас найдет с кем. Там у них неограниченное количество философских систем и подшабашивающих ими мудрецов.

Но дать предварительную ориентировку все равно следует. Поможет, не поможет – другое дело. Однако сообразит, что мы тут тоже не в носу ковыряемся.

– Я тебя не вызывал, проблем на сей момент у нас не имеется, все остались в далеких будущих временах. В здешнем двадцать пятом мы совершенно никаких акций не замышляем, две тысячи пятые и пятьдесят шестой на ближайшее столетие нас не интересуют. Там тоже люди взрослые собрались, в собственных реалиях по-всякому лучше нас разберутся. Помогли им, чем сумели, ну и хватит. А мы сами собрались в форте, очередной раз посоветовались и на самом деле, без всяких шуток и задних мыслей, решили «лечь на дно и позывных не передавать». Может быть, кого-то такой эскапизм разочарует, но «такова наша монаршая воля»…

– Здраво, ничего не скажешь… – кивнул он.

Не стану утверждать, что я сумел сильно осадить форзейля, но кое-какой *предварительный* настрой я с него сбил.

Антон усмехнулся. Кажется – грустновато.

– Вам бы с этого начать, ребята. А то ведь, вот беда, некоторые процессы заднего хода не имеют. Будучи раз запущены, развиваются в соответствии с собственной логикой и внутренними законами…

Выглядел сейчас Антон как-то не так. Понятно, что почти полностью отстранившись от земных дел, преобразившись в «Тайного посла» на одном из вверенных ему миров, или заняв *ответственный пост в центральном аппарате,* он не мог не измениться. В гораздо большей степени, чем мои приятели из восемьдесят четвертого – в две тысячи пятом. Он-то и *человеком* в моем понимании был весьма относительным. Так, некое существо, а то и *функция*, оснащенная вторичными половыми признаками.

И все же он оставался нашим другом, как бы ни толковать этот термин.

– Знаешь, командор, ты слегка изменился, и не в лучшую сторону. Не заболел ли чем? Или неприятности личного плана? – сказал я, временно игнорируя его слова, очевидным образом подводящие к очередному *событию*.

Совершенно как в цикле рассказов о Шерлоке Холмсе, а вернее – об Эдварде Мелоуне, профессоре Челленджере и прочих. В том и в другом случае приключения могли продолжаться бесконечно, причем без всякой связи с предыдущими. «Затерянный мир» – одно, «Ядовитый пояс» – совсем другое. Только герои общие. Мне никогда не приходило в голову анализировать названные книги всерьез, но предполагаю, что особой внутренней логики в этих произведениях нет. Да она там и не нужна. Как не нужна и нам.

Если жизнь протекает, в ней непременно должно что-нибудь происходить. А знакомство с красивой женщиной, автомобильная авария, призыв из запаса на военную службу и выигрыш в казино ста тысяч долларов, даже следуя подряд с одним и тем же человеком, могут никаким образом не находиться в прямой причинно-следственной связи. С тем же

успехом каждое из названных событий может оказаться неразрывным звеном единой цепи. И даже – скорее всего.

Мои слова о внешнем виде Антона были констатацией не совсем очевидного факта. Выглядел он, на обычный взгляд, *нормально*, по стандартным меркам. На фотографиях, сделанных *тогда* и сейчас, он бы вряд ли чем-то отличался. А наяву… Складывалось впечатление, будто некая несущая конструкция в нем надломилась, в силу чего бравый форзейль утратил возможность поддерживать себя в должной форме. Или – та система, которая обеспечивала неизменность его облика, начала давать сбои. Что вполне вероятно – особенно с учетом изменившихся обстоятельств его жизни.

Вроде как актер, давно выведенный из основного состава, внезапно приглашен сыграть одну из своих прежних ролей, в которых он блистал перед публикой.

Текст-то он помнит, и кураж сохранился, а режиссер другой, извлеченный из запасника костюм не совсем подходит к фигуре, грим лег не совсем так, как прежде…

Да, в конце концов, все мы стареем в том или другом смысле, только не всегда есть кому это заметить.

– С этого и начнем, если хочешь, – сказал форзейль, оторвал руку от стола и шагнул на мою сторону. Я машинально прикрыл глаза. В памяти зафиксировались его же слова, что подобные перемещения иногда могут соответствовать очень большому тротиловому эквиваленту. Впрочем, кажется, Антон тот раз имел в виду случаи перемещения материальной массы между темпорально не согласованными пространствами.

В данном случае – обошлось. Да и не стал бы он… Это уже у меня другие рефлексы начали работать.

Перейдя ко мне на веранду, Антон подвинул плетенный из ротанга стул, сел напротив. Тут же я почувствовал себя несколько неловко. Гость одет со всей возможной элегантностью, а я неумыт, небрит, в домашнем халате практически на голое тело, еще и босиком. С другой стороны, я его к себе не приглашал в такой час. Мог бы и в розовых шелковых подштанниках оказаться. Или с женой в постели…

– Вы, конечно, последнее время приутихли. Наигрались, перебаламутили еще несколько миров, где вас совсем не ждали, и, наконец, решили, будто теперь можете успокоиться и коротать остаток дней, разводя пчел или орхидеи, никак не нарушая внутренней логики внешнего мира…

Он, похоже, задумался над сорвавшейся с его губ фразой, оценивая ее на предмет семантической допустимости. Решил, что сойдет, и продолжил:

– А внешний мир тем не менее продолжает ей следовать. То, что меня посадили в тюрьму, которой я, на мой взгляд, совершенно не заслужил, является хорошим подтверждением этой мысли…

– Тебя? В тюрьму? – Я искренне удивился услышанному. В моем представлении, форзейль, ловко маневрировавший между реальностями, до недавнего времени вообще всемогущий, по сравнению с нами, *короткоживущими* [5] землянами, из любого узилища мог освободиться легче, чем я – из нарисованного не искушенными в магии туземцами мелового круга.

– Что тебя так шокировало? Любая цивилизация имеет соразмерную ей и качеству своих подданных пенитенциарную систему. Из любой земной тюрьмы я, и ты тоже, освободились бы свободно. Из нашей – аусгешлессен [6].

– Спорить трудно, – согласился я. – Иначе и вправду, куда ж вас, таких прытких, девать в случае чего?

---

[5] См. «Час быка» И. Ефремова.

[6] Совершенно исключено *(нем.)*.

– В моем клане понятие «наказание» отсутствует вообще. Каждый сам оценивает свои поступки. Никто другой сделать лучше этого не сможет, поскольку непременно будет в той или иной мере пристрастен.

– Оригинальная практика, – вежливо одобрил я. – Японическое влияние здесь чувствуется, самурайское, точнее. Монахи тоже сами на себя епитимью накладывают… – В то же время я соображал, не кликнуть ли домоправителя и распорядиться накрыть достойный дорогого гостя завтрак? Ирину заодно разбудить, и посидели бы, как встарь.

Потом решил, что пока не стоит. Пусть сначала выскажется.

– К сожалению, в тех кругах, где мне приходится делать карьеру, взгляды несколько иные…

– То есть в своих глазах ты невиновен, а высокий трибунал решил иначе?

– Типа того…

– И сколько дали? – В России подобная тема вызывает неизменный и живой интерес окружающих.

– Пожизненное без права переписки и апелляции… – Мне показалось, что произнес он это с некоторой иронией. Хотя – какие уж тут шуточки?

– Круто, – искренне я ему посочувствовал. – Ну, хоть не вышку. У вас там небось зоны поприличнее наших?

– Как сказать. Из ваших – шансов сбежать или освободиться больше.

– Но ведь сбежал, раз здесь присутствуешь. Из-под следствия или с этапа?

– Не сам. У нас сбежать невозможно, я же сказал. Шульгин выручил…

– Когда? – поразился я. – Мы с Сашкой надолго не расставались последний год, да и сказал бы он мне, если бы что-то такое случилось.

– Не этот, другой, из тридцать восьмого года. Который наркомом стал…

– Стоп, стоп… – Тут я заинтересовался по-настоящему, вызвал-таки дворецкого, отдал необходимые распоряжения, велел проводить гостя в малую гостиную, откуда открывался вид на горы и сад, не столь отвлекающий внимание, как морская даль. А сам пошел переодеться подобающим образом. И перенастроиться тоже. Возникло ощущение, что книжки писать придется по-прежнему в свободное от основной работы время. Не сказать чтобы эта перспектива меня расстроила. Есть поговорка: «Привыкла собака за возом бегать…»

Интересно, за Антоном не гонятся специально на то поставленные службы? Иначе станет совсем уже интересно. Те, которых послали за Иркой, были совсем непрофессиональны. Нынешние могут оказаться более серьезными противниками. Отчего бы и нет? Сражаться с одиночками куда интереснее, чем с законами истории. Но тут, пожалуй, до такого не дойдет. Упоминание о Шульгине-38 выводит на несколько другой уровень.

Ирину я будить не стал, ни к чему третий, излишне эмоциональный персонаж в сюжете о двух спокойных мужчинах себе на уме. Иначе они начнут говорить не о себе и для себя, а ориентируясь на слушательницу, тем более – кое к чему причастную…

Никогда мне не приходило в голову подумать вот так об Ирине, даже мельком, а сейчас вдруг пришло. Может быть, под влиянием истории с Татьяной?

А, ерунда, сейчас – тем более. Однако, что касается Сашки – интересно. Третья матричная копия, выходит? Да, разгулялся паренек… И что же он там опять натворил? Форзейли просто так визиты вежливости не наносят. Как и аггрианские резидентки тоже.

Стол нам накрыли подходящий, по времени суток и по сезону. Самое же главное – окна моей гостиной выходили на единственную дорогу, которая вела к вилле из поселка и просматривалась вся, с самого начала, на четыре с лишним километра. Если кто-нибудь соберется к нам в гости, успеем увидеть и подготовиться. С моря неприметно высадиться тоже нельзя, есть на обозримом пространстве береговой черты разные хитрости, природного и рукотворного характера.

Само собой, на этой Земле мне бояться было некого. Личный друг Верховного Правителя, да и сам по себе фигура известная, внушающая кому уважение, кому страх, зависимо от обстановки. Что в общественном смысле, что в личном.

Если, конечно, предполагаемые сотрудники занимавшегося Антоном «Управления исполнения наказаний» решат в погоне за беглецом проникнуть в мое уединение тем же, что и он сам, внепространственным способом, тогда уж ничего не поделаешь, останется полагаться на грубую силу и достижения нашего неспокойного века. Гранаты типа «Ф-1», ручные огнестрельные приспособления и пулеметы калибрами вплоть до 14,5 мм оказывают хорошее поражающее действие на любые белковые и многие кремнийорганические структуры.

– Тебя во всегалактический розыск не объявили? – спросил я на всякий случай.

– Не бери в голову. Там я умер…

– Эдмон Дантес тоже рассчитывал на такую отмазку. Не сработало.

– Но его ведь все равно не поймали, – возразил Антон, и спорить было не с чем.

Тут же меня отвлекла следующая мысль (они, как правило, приходят мне в голову по одной, и думать каждую приходится отдельно).

– Так ты ж, по раскладам, едва успел только в СИЗО покантоваться, мы с тобой месяца два от силы назад виделись… Это что же, у вас и арест, и следствие, и приговор, и этап – в такие сроки укладываются?

Соответствующей тематикой я с детства интересовался и был в курсе, потому как в наших дворах сидел каждый второй взрослый, а каждый третий пацан или таких родственников имел, или туда собирался с тем же чувством предопределенности, как я – в институт. Оставаясь при этом уважаемым членом «прайда». Каждому своя дорога, хотя курирующие наш двор авторитеты деликатно, но настойчиво советовали мне идти на юридический. Мол, ларьки подламывать тебя никто не пошлет и не посылал, если ты в десять лет «рьманы тискать» умел, как не каждый артист по радио в «Театре у микрофона». Была такая передача, неплохая, кстати, только не в то время и не для того контингента. А я, спокойно, сидя у костерка, пересказывал двадцатилетним, от задницы до шеи покрытым наколками парням сокровища мировой литературы, от Апулея до Честертона и Колбасьева. С купюрами и собственными дополнениями. Шло на ура. Какое, казалось бы, дело вору с несколькими ходками до забав царских гардемаринов, а вот слушали же…

– У меня – уложились. Да еще и три полновесных года я отсидел там, где тебе даже по самой крайней злобе не пожелал бы…

Оно понятно, время штука гибкая, а все равно странно. До сих пор странно, поскольку мы с ребятами каким-то образом собственные соотношения времен регулировали.

Нет, ерунда. Все не так. С друзьями в «настоящем» 2005 году как вышло? «Для них года, а мне – единый миг». Искаженная цитата, но суть отражает.

А что, если слова Антона – очередная туфта? Еще один способ возвратить нас в Игру, от которой мы отказались радикально, передав все козыри тем, кому она еще в охотку. Причем нам Антон лично или те, кто за ним стояли, настоятельно рекомендовали укрыться в своем двадцать пятом и никуда не высовываться, прежде всего – не лезть в Сеть. Мы этим советом сначала пренебрегли, вволю порезвились на стыке две тысячи пятых годов, кому-то очень сильно испортили настроение и планы. Не только Дайяне и Лихареву, пожалуй, а и фигурам на несколько порядков более тяжелым. И опять удалились «в себя», договорившись по возможности вообще забыть о случившемся, в надежде что мало-помалу временнбя ткань как-нибудь срастется. А за нашей спиной, оказывается, интрига продолжалась и развивалась. Сашка вот, получается, опять вмешался… И до меня очередь дошла, в самый неподходящий момент и в невыгодной позиции…

– Все! – сказал я, прерывая поток собственных фантазий. – Я молчу, а ты четко и конкретно излагаешь. После чего станем снова думать и рассуждать…

Глава вторая

Есть люди, которые к своим жизненным бедам относятся легко. Пока плохое не случилось – нечего переживать. Случилось и пока еще длится – надо делать то, что в силах, выкручиваться или сводить к минимуму возможные негативные последствия. Прошло с каким угодно результатом – ненужное забыть, из остального сделать приличествующие выводы и двигаться дальше. А есть другие. Постоянно терзаются прошлым, изменению уже не подлежащим, боятся будущего, не того, что произойдет, а того, которое сами себе придумали.

Я, смею надеяться, отношусь к первому типу. А вот Антон, к моему глубокому изумлению, оказался из вторых. Вроде писателя Варлама Шаламова, так и не сумевшего за двадцать послелагерных лет найти себя в *свободной* жизни.

Свобода, конечно, и на *воле* оказалась относительной, однако немало людей, отсидевших побольше его, сумели адаптироваться и даже извлечь из прошлых страданий рациональное зерно. Но Антон как-то скис. Закалка не та. Полтораста лет в роли «хозяина жизни» и «сверхчеловека» серьезно его расслабили. Похоже, доставшиеся испытания и нравственные муки ударили его тяжелее, чем узников сталинских и гитлеровских концлагерей. Я имею в виду выживших, естественно.

Вот его рассказ в моем переложении.

«…Антон действительно после завершения своей земной миссии был удостоен титула Тайного посла первого ранга, что любители систематики и геральдики могут считать аналогом российского генерал-лейтенанта по военному ведомству, камергера по придворному, тайного советника по гражданскому, архиепископа по церковному. Чин вполне солидный, дающий право на занятие целого спектра должностей, дипломатических и научных. Ему теперь ничто не препятствовало принять кафедру у своего учителя и наставника Бандар-Бегавана, получить когда-то столь чаемый им пост Брата-советника при правителе одной из наиболее развитых и культурных планет и даже целой планетной системы Конфедерации.

Этот пост давал возможность, при желании, не делать совершенно ничего, посвящая бесконечный досуг научным занятиям, развлечениям и медитации. Или же, в случае наличия должных амбиций, взять в свои руки все незримые ниточки, они же – *приводные ремни,* организующие (обеспечивающие) образ жизни миллиардов подданных и внешнюю политику отданной ему «в кормление» [7] цивилизации.

Этакий «вице-король Индии» или губернатор Восточной Сибири начала XIX века, до которого инструкции и указы из Метрополии доходят раз в полгода, если не реже, и ответ идет столько же. То есть основной массив решений он принимает самостоятельно, а его отчеты о проделанной работе по большей части имеют для вышестоящего начальства лишь исторический интерес.

В Конфедерации, естественно, система связи действовала мгновенно на любое расстояние, зато в недрах Департаментов рассмотрение поступающих «бумаг» занимало те же полгода-год, по причине особого устройства бюрократических структур. Что, по большому счету, устраивало всех.

Принадлежность к клану форзейлей позволяла Антону работать в галактической разведке, психологических (в том числе и ксенопсихологических) службах, областях, связанных с тамошней мистикой и эзотерикой. Конечно, все это относилось только к мирам, насе-

[7] »Кормление» в средневековой Руси – не только способ обеспечить себе пропитание, но и «руководство», производное от слов «кормчий», «кормщик», т. е. «управляющий» морским или речным судном, волостью и т. д.

ленным гуманоидами. Для связи с негуманоидами любых родов и классов имелись свои специалисты.

В то же время любому форзейлю, именно в силу их архаичной клановой системы, своеобразно понимаемой «рыцарской чести» и собственной философии и этики, плохо вписывающейся в рамки господствующей идеологии, путь в такие ведомства, как Внутренняя Администрация или тем более Департамент Соответствия, был заказан раз и навсегда. Как немецкому еврею в гестапо.

Да никто из них туда и сам не стремился, как боевой гусар Денис Давыдов ни за какие коврижки не пошел бы в жандармский корпус или интендантское управление.

В итоге Антон, уже постигший, в том числе и с помощью своих земных друзей, многие тонкости устройства Конфедерации, согласился на не сулящий особых неприятностей и нравственных проблем пост. Планета в самом деле была крайне цивилизованной, богатой, с роскошным климатом и населением, тратившим все свое время и душевные силы на интеллектуальное самосовершенствование и гедонизм.

Предполагалось, что все действительно серьезные проблемы там были якобы решены и никакой другой разумной цели, кроме как заниматься познанием тайн природы ради самого познания, не существовало. Сам же процесс являлся столь бесконечным, сколь и бессмысленным, поскольку границ его все равно не существует. А в силу давно достигнутого предела в удовлетворении телесных потребностей не осталось и промежуточных рубежей, к которым стоило бы стремиться.

Земные фантасты вообще, как давным-давно убедился Антон, ухитрились вообразить и описать почти все, что на самом деле существовало во Вселенной «первого порядка». Ничего подобного *человеческой* фантастике в мирах Конфедерации места не имело. Именно по причине самодостаточности их обитателей и отсутствия разрыва между *воображаемым* и *возможным*. Антиутопии занимали их воображение еще меньше. Потому Антону так нравилась Земля и раздражало все остальное.

Какое-то время он честно пытался вживаться в новое состояние. Любых качеств, кроме желания, у него хватало, чтобы «соответствовать». А вот желания и не было. В том числе оттого, что он в очередной раз сумел уклониться от процедуры рекондиционирования. Слишком жаль ему было терять свой ставший привычным характер и все приобретенные на Земле навыки.

Кем бы он стал без всего этого? Да никем, очередным чиновником высокого ранга, и не более. Правильно как-то сказал Бандар-Бегаван, «ноосфера Земли очень ядовита, разумный человек, желающий сохранить ясность мышления, не должен подвергаться ее воздействию сверх необходимого». А Антон, получается, эту меру превысил.

Только зря он рассчитывал, что его уловки смогут обмануть *настоящих* специалистов. Это стандартную, довольно примитивную аппаратуру, на которой обычно проходили проверку и перенастройку чиновники его уровня, прибывающие с планет, не входящих в Конфедерацию, и убывающие туда, он обманывать научился. И не столько «железо», как обслуживавших его техников.

В его распоряжении было огромное количество всяких специальных методик, и наложенная поверх базового психотипа *сетка* подмены давным-давно известных ему характеристик, позволяла проходить Испытание без всяких проблем. Испытатели просто не видели *несоответствий*.

Об этом когда-то догадался Бандар-Бегаван, но не выдал своего ученика, потому что потерял бы от такого шага куда больше, чем мог приобрести. Да, кроме всего прочего, Антон еще в начале XX века, когда это было модно в кругах эстетов, испытал на себе несколько религиозно-эзотерических практик. Сознательно расширил, выражаясь слогом того же про-

фессора, сферу соприкосновения внутреннего мира с внешней средой в окружении принципиально иной ноосферы. Впустил *чужое* в глубины личности.

И оказался в роли одного из тех наследников туземных владык, которых направляли на обучение в Кембридж, Итон или Петербургский Пажеский корпус и которые ухитрились усвоить не только курс обучения, но и психологически осознали себя британскими аристократами и русскими гвардейскими офицерами. Такое случалось, не часто, но все же. В России было проще, там образованного инородца довольно легко принимали в «общество», судьба же «энглизированного» индуса или кафра складывалась куда печальнее. Что в Метрополии, что после возвращения к родным пенатам.

Скука и разочарование охватили Антона в первые же дни его новой работы, и сопротивлялся он им недолго. Слишком уж манила Земля, на которой он был счастлив. Там его жизнь имела смысл, пускай в экзистенциальном смысле очень относительный. Мелькала мысль, что перестроить личность и начать жить в согласии с господствующими в обществе императивами было бы куда легче и удобнее, но не хотелось.

Человеком быть пусть и трудно, но интересно. А здесь, исполняя протокольные функции своей должности, он зачастую едва сдерживал смех, а чаще – раздражение. Как рафинированный офицер Российского Генштаба, вынужденный соблюдать церемониалы, принятые при дворах абиссинского негуса или мандарина маньчжурской провинции.

Часто (что не возбранялось), отбывая в высокогорную резиденцию (вроде Лхасы), где следовало созерцать десятикилометровые ледяные пики или предаваться сексуальным утехам со специально воспитанными и обученными девушками, он вместо этого выходил в доступные ему по должности уровни Информария, разыскивая свежие документы, касающиеся Земли.

Их было не слишком много после ликвидации операционной базы и постоянного кураторства. Этот «затерянный мир» интересовал только немногочисленных историков из Академии, но все равно Антон не мог избавиться от ощущения, что настоящая жизнь осталась там. А здесь лишь влачится ее жалкое подобие.

Синтанга в его распоряжении было сколько угодно, как и иных стимулирующих, успокаивающих и разжигающих воображение напитков и веществ. Но он сумел настроить обслуживающую автоматику так, что она синтезировала продукцию на базе этилового спирта, в любых вариациях, от «Столичной» водки до хересов и портвейнов высших сортов.

Разницы вроде бы никакой, важно ли, чем воздействовать на соответствующие области мозга, чтобы впасть в *измененное* состояние? Однако она тем не менее имелась. Все употребляемые в мирах Конфедерации (по крайней мере – в высших слоях их обществ) *вещества* тем или иным способом *ориентировали* организм в сторону усиления поощряемых здесь настроений и качеств – созерцательности, покоя, возвышенных размышлений. Если и фантазий, то побуждающих к самоуглублению, благорастворению, отнюдь не к внешней активности или агрессивности, упаси бог.

Так англичане культивировали в Китае употребление опиума, отнюдь не виски, хотя его экспорт (или производство на месте) мог бы принести куда большую прибыль.

Кроме привычных напитков, поддержанию должного тонуса способствовали физические упражнения и тренировки в боевых искусствах, земных и практикуемых представителями иных культур, еще не утративших пассионарность.

Время от времени Антону приходило в голову, что Игроки отнюдь не списали его в тираж, а просто перевели в «действующий резерв», поддерживая с ним одностороннюю связь. Иначе почему же, на самом деле, он никак не может успокоиться, лезет в дела, которые теперь его совсем не касаются, рискуя, между прочим, достигнутым статусом.

Полученную одновременно с титулом «Особо Важную Инструкцию» никто не отменял, а она предписывала свернуть операционную базу (Замок в просторечии), и прекратить всякие контакты с Землей. Единственной зацепкой (формально-бюрократической, естественно, а других здесь и не бывало), которая в случае чего могла его хоть как-то оправдать, было то, что в Инструкции речь шла о Главной исторической последовательности, только! Псевдореальности любого порядка в виду не имелись, составители инструкции, что вполне вероятно, в силу своей однобокой специализации могли вообще не иметь понятия о таком феномене.

Так что, казалось ему, он всегда сможет сослаться на то, что приватным образом продолжает научное исследование хронополитических парадоксов. Всего лишь.

Парадоксов же на пересечении ГИП [8] с развивающимися и латентными альтернативами хватало.

Пользуясь положенным ему по должности «ключом» для межпространственных переходов, Антон через множество пересадочных станций, запутывая следы, несколько раз проникал туда, где обстановка слишком уж накалялась, и его земные друзья, пока еще не понимая этого, слишком близко приближались к опасному краю. То есть – продолжал исполнять давным-давно заявленную роль «светлого Даймона-хранителя».

Моментами у него возникало ощущение некоего «дежавю»: он снова ощущал, что не сам предпринимает рискованные, а главное – бессмысленные в его положении эскапады. Откуда-то возникали в сознании «руководящие и направляющие» импульсы Высшей воли Игроков или Держателей, и он им подчинялся, передавая землянам рекомендации и советы. Сам не в силах оценить, что же станет результатом подсказанного шага. И чем это отольется парням, которым старался покровительствовать. Да и ему тоже.

В то же время он был не в силах противостоять *побуждениям:* пробирался в Замок или непосредственно в одну из реальностей, где оперировали его подопечные, вмешивался в *естественный* ход событий и ощущал физическое удовлетворение и радость, едва ли не сексуальной интенсивности, а также уверенность, что «все к лучшему в этом лучшем из миров».

Зря вот только Антон проявил такую самонадеянность, вообразив, что умнее или хотя бы хитрее специалистов Департамента Соответствия. Или все же надеялся, что «Высшие силы» знают, что делают, и в обиду его не дадут? Мелких канцелярских сошек он обманывал легко, но любая служба состоит не только из них. Начиная с какой-то ступеньки, там сидели ребята не глупее его. Только иначе ориентированные и лишенные неуместных эмоций. Особенно – земного типа. Это может показать удивительным, но *возвышенные* чувства **дээсники** просчитывали легко, хотя сами им не были подвержены, а вот перед настоящими земными пакостями, подлостями, интригами, основанными на использовании логик высших порядков, они терялись.

Почему и удалась в свое время Антону его интрига против Совета Конфедерации и синклита Облеченных доверием. Просто никто из тех, кто был причастен к *делу*, вовремя не сумел сообразить и определить, в каком направлении вздумает действовать атташе, на судьбе и карьере которого был поставлен жирный крест [9].

Однако с первого раза устранить его не удалось. Как и в каждой бюрократической системе, поступившая информация нашла заинтересованных лиц. Очень многие, воспользовавшись, сумели решить свои вопросы: устранив конкурентов, продвинувшись по карьерной лестнице, завертев новые интересные комбинации. В результате и Бандар-Бегаван был прощен и вознагражден, и Антону кое-что досталось.

---

[8] Главная историческая последовательность.

[9] См. роман «Одиссей покидает Итаку».

Их общая беда заключалась в том, что ведомства Метрополии обладали гораздо большей автономностью, чем земные. Чего Антон не понял, слишком очеловечившись, а много просто не знал, весьма далекий по должности и образованию от специфических служб.

В России (что в царское время, что в сталинское), должностное лицо, пусть и допустившее какую-то промашку, но прощенное Высшей властью и вдобавок получившее повышение, автоматически избавлялось от преследований по «предыдущим обстоятельствам», разве что сохранило бы некоторое количество недоброжелателей из стана проигравших. А там уж – чья возьмет, причем скорее всего не ранее чем при смене сюзерена.

Здесь же было несколько иначе. Единожды обратив на себя внимание сотрудников Департамента Соответствия, Антон уже никуда не мог деться. Ни заслуги, ни чины и должности, стань он хоть одним из Облеченных Доверием, никоим образом избавить от *разработки* не могли. И разрабатывали его там с полным тщанием.

Понятно, что некоторые приемы и способы действия форзейля дээсникам были недоступны по причине той же *структурированности* жизни и системы управления Конфедерации, но хватало и косвенных доказательств.

«Игроки», если мы по-прежнему согласимся считать их значимыми личностями в процессах, охватывающих представимую нами Вселенную, обращали внимание на Антона как на солидную фигуру только в их «геоцентрической» партии. Там они использовали его возможности и личные качества, его обладание Замком. Воспринимали форзейля, скажем, как «ладью». Двигали произвольно, вдоль и поперек горизонталей доски, оставляя при этом ощущение *свободы воли*. Но только именно на этой доске, другие их не интересовали.

А когда он оказывался в другом секторе Галактики и в ином качестве, они выпускали его из *наблюдаемой зоны*. То есть он оказался предоставлен самому себе, но совсем не так, как привык раньше.

Не сумев правильно понять происходящее, Антон вообразил себя независимым игроком, поступающим по собственному усмотрению. Здесь, предположим, у него служба и офис, а неподалеку есть поле для гольфа, куда можно съездить в свободное время и погонять шарики между лунками.

Взбодрившийся, получивший удовольствие от новых степеней свободы, он совершенно утратил бдительность вместе с чувством самосохранения. Сразу две такие ошибки совершать не позволено даже на Земле.

А ведь Бандар-Бегаван намекал ему на грядущую угрозу для них обоих. Намекал не столько даже словами, как известными «посвященным» жестами, умолчаниями и стилем поведения. Но Антон, твердо уверенный, что Процедуры *такого* человека коснуться не могут, предпочел вообразить, будто аггрианские агенты сумели добраться до Метрополии, осуществили инвазию, проникли в структуры, имеющие отношение к ходу войны. Организовали интригу с целью дискредитации видного дипломата и его верных сотрудников.

И сыграл против них в привычном стиле.

Теперь пришло время асимметричного ответа с другой стороны.

Взяли его точно так же, как это могло быть сделано и на Земле в отношении чиновника высокого ранга, когда нет намерения сразу его *засветить* и *вывести в тираж*. Может ведь случиться, что он еще пригодится в том или ином качестве, да и чужую структуру не следует без специальной команды подставлять.

Дождались, когда он окажется в хорошо замотивированной длительной отлучке из своей официальной резиденции, в очередной раз переместится на Землю, естественно, без санкции своего Департамента. Уже серьезное правонарушение. Вздумай он посетить любой из миров Конфедерации, претензий к нему не было бы, напротив, согласно рангу он имел право на соответствующий Протокол.

Земля же, как, кстати, и Таорэра-Валгалла, относилась к «закрытым территориям», выведенным из юрисдикции Департамента активной дипломатии.

Поэтому вошедший в апартаменты Тайного посла чиновник, согласно положениям Церемониала состоящий в одном с ним ранге, в крайне уважительном стиле попросил всего лишь объяснений. Если таковые имеются, вопрос снимается сам собой и почтеннейшему Послу будут немедленно принесены все положенные извинения.

Антон поначалу не оценил серьезности положения, в котором оказался, и сослался на тему своей научной работы, которая велась строго в пределах его специализации и, естественно, предполагала постоянный сбор и обновление фактологической базы. Чем он и занимался в свободное время, никак не выходя за пределы исследования.

На Земле подобного объяснения хватило бы, и настырного ученого или журналиста, проникшего, скажем, в район военных действий или зону, находящуюся под международным эмбарго, просто выдворили бы к месту постоянного проживания, если бы соответствующие службы не уличили его в прямом шпионаже или пособничестве мировому терроризму. Да и то почти наверняка вмешались бы международные организации, правозащитники, пресса, общественное мнение. Хорошие адвокаты, в конце концов. Могли бы, конечно, и убить из-за угла, и взять в заложники, но это уже был бы эксцесс исполнителя.

Здесь – не прошло.

Вопрос о шпионаже (в том смысле, как это понимается *у них*) тоже всплыл, по поводу контактов с аггрианскими представителями, происходивших уже после того, как Инструкцией Антон был лишен таких полномочий.

Нашлось и еще несколько пунктов, по преимуществу касавшихся именно нарушений принципов Соответствия. Если попытаться подобрать им земные (еще точнее – советские аналогии времен Отечественной войны), то получилось бы нечто вроде *ненадлежащего исполнения долга, сознательного введения в заблуждение высшего руководства с корыстными намерениями, преступного малодушия, попустительства врагу, преступной же халатности, трусости, граничащей с изменой Родине.* Хорошо еще, что лишь *граничащей*!

В СССР такие обвинения тянули для офицеров и генералов в лучшем случае на разжалование и штрафбат (пока не смоешь вину кровью или особым героизмом). Но могли дать и *вышку*, под горячую руку, а скорее – из особых соображений, как генералу армии Павлову со всем его штабом.

В Конфедерации нравы были ничуть не мягче, и много сотен лет действовала судебная система, удивительно напоминающая практику сталинских «Особых совещаний», где решения принимались без участия прокуроров и адвокатов, на основании *мнения* [10]. Апелляции, кассационные жалобы и просьбы о помиловании не принимались, приговоры приводились в исполнение немедленно.

Здесь то же. И приговор был написан заранее, и все подготовительные мероприятия проведены, просто церемониал соблюдался тщательнее. Как писал Конфуций: «Откровенность без церемониала – это хамство».

Со всеми положенными рангу Антона почестями его препроводили в парадные покои Особоуполномоченного Департамента Соответствия по этой планете, где Облеченный Доверием второго класса (чиновник на два ранга выше подсудимого) собственноустно зачитал формулу обвинения и приговор, после чего осужденному предоставилось «последнее слово». Такая юридическая тонкость.

Не до приговора, а после. Чтобы, значит, объект правосудия мог высказать свою позицию максимально свободно и в полном объеме, не стесненный мыслью, что его слова могут

[10] В 30-е – 50-е годы имела хождение поговорка: «На нет и суда нет, есть Особое совещание».

как-то повлиять на позицию суда, в ту или другую сторону. Более того, речь можно вообще не произносить, а изложить ее на бумаге, любым объемом, не второпях, под влиянием негативных эмоций, а хорошенько все обдумав и осмыслив. Временем осужденный тоже не ограничен, пиши хоть до конца срока, хоть до конца жизни. Затем собственноручно переплетенный автором труд (брошюра или толстый том) будет передан на хранение в специальную библиотеку, где с ним смогут ознакомиться все желающие, имеющие специальный допуск.

За тысячелетия, говорят, там накопилось громадное собрание весьма любопытных материалов.

Антон обошелся тем, что в нескольких емких фразах сообщил Высокому суду все, что он думает о нем лично, Департаменте в целом и самой Конфедерации. Закон действительно был мудр, слова, которые в ином случае потянули бы еще на несколько серьезных статей, в данный момент, после оглашения приговора, как бы теряли свой «подрывной» характер.

Вердиктом было «пожизненное просветление», но и только. Ни титула, ни иных прав и привилегий осужденный не лишался, тем более – его наследники и родственники, если бы таковые обнаружились. Режим содержания более всего походил на «домашний арест», а не на тюрьму или каторгу. Но – заключение строго одиночное, никаких свиданий и тому подобного. Все каналы связи с внешним миром переключались строго на прием, то есть, грубо говоря, Антон отныне и навеки оказывался внутри некоей «сферы Шварцшильда», за пределы которой никакое материальное тело и даже пакет информации вырваться не может…

И это – навсегда.

Его даже не стали принудительно рекондиционировать. Зачем? Наказание не предполагало вмешательства во внутренний мир осужденного. В противном случае это получилась бы уже другая личность, не несущая ответственности за деяния «оригинала». Он оставлен таким, каким был в момент появления преступного умысла, в процессе его осуществления, и в таком же качестве должен осмысливать его последствия…

…Все, что думал, переживал, анализировал и записывал Антон, сообщать здесь и сейчас не имеет смысла. В отличие от Эдмона Дантеса он прекрасно знал, за что пострадал, потому был избавлен хотя бы от терзаний неведением. В остальном же все было очень и очень плохо.

Если Учитель в свое время опасался, что его направят на «путь просветления», так тот вариант – детские игрушки. «Путь» – это всего лишь аналог ссылки провинившегося священника в отдаленный монастырь, где он терял часть физической свободы и возможность общения с паствой и привычным окружением. А «глубокое просветление» – вроде заточения джинна в кувшин с последующим выбрасыванием в Марианскую впадину.

«Кувшин», конечно, был побольше стандартного, вполне приличная вилла, снабженная всей необходимой для поддержания жизни бытовой автоматикой и доступом в Информарий. Имелась и территория для прогулок, садик в половину футбольного поля, где он мог заниматься огородничеством, цветоводством или конструировать собственный «Сад камней» с любым количеством элементов и самой невероятной геометрией.

А главное – цель наказания достигалась с первых же минут или часов. Ничем иным, как размышлениями о своей горькой участи, допущенных ошибках и вариантах «более правильного поведения», узник заниматься просто не мог. Даже отвлечь себя разработкой планов побега не получалось, так как вариантов просто не существовало. С тем же успехом Робинзон, за отсутствием материалов для постройки лодки, мог сосредоточиться на отращивании у себя крыльев или жабер.

Конечно, эффект наказания был бы куда большим, думал временами Антон, любуясь закатом, рассветом или покачивающейся под движением ветерка травинкой, если достигший «истинного просветления» все же получал в точно рассчитанный момент свободу. Тогда

система могла получить особь, пригодную к дальнейшему и весьма полезному использованию. А так понапрасну растрачивается ценный материал…

Дальше в голову приходили самоуспокоительные мысли, что так скорее всего и обстоит дело, рано или поздно узника освобождают и направляют на какую-нибудь работу, скорее всего под другим именем. Мало ли в Конфедерации систем и планет, нуждающихся в хороших специалистах?

Нужно только вычислить оптимальный срок наказания – год это, три или пять? Больше вряд ли, серьезные исследования давным-давно установили, что после пяти лет одиночки (настоящей одиночки) наступают необратимые нарушения психики. Тот же граф Монте-Кристо, разве был он во втором томе нормален, пригоден к любой осмысленной созидательной деятельности, кроме изощренной мести?

После того как истек первый год, Антон еще держался.

Ухаживал за садом, по несколько часов в день занимался физическими упражнениями. Вспомнив таланты Шульгина, увлекся метанием ножей в цель и постепенно достиг значительных результатов.

Ночами он обычно писал. Не «последнее слово», конечно, а подобие мемуаров, где анализировал преимущественно земной отрезок своей жизни, с самой Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Вдаваясь во всякие интересные подробности, общеполитические и из личной жизни. Нечто вроде «50 лет в строю» графа Игнатьева. И в какой-то момент его вдруг озарило – век ему свободы не видать, если в этом и не заключается цель подобной меры наказания. Никому он сам по себе не нужен. В масштабе Конфедерации – не более чем песчинка на океанском берегу. Выпускать его на волю ни через пять, ни через сто лет никто не собирается, и единственная польза, которую из него собираются извлечь, – это как раз записки, мемуары, слова, которые он произносит вслух, потому что не может же человек круглосуточно молчать.

Вот из всего этого специальные люди, а может быть, целые институты добывают и концентрируют информацию, пригодную для дальнейшего совершенствования системы поддержания Соответствия.

После постижения истины он неделю с утра до вечера «под пробку» наливался синтангом.

Синтанг, может быть, самое гениальное изобретение родной планеты Антона, распространившееся по большинству гуманоидных миров Конфедерации. Исходный материал – обычное растение, наподобие земной коки, употреблявшееся древними аборигенами аналогичным способом, то есть – жеванием. Однако в процессе прогресса и развития наук из него начали делать не банальный кокаин или что-то в этом роде, а изобрели методику особого рода ферментации. В итоге получился продукт совершенно уникальных качеств и широчайшего спектра действия. Из него производился «чай», обладающий общеоздоравливающим и тонизирующим действием, по мере повышения концентрации дающий успокоение и навевающий сладкие грезы. Другие технологии превращали экстракт в мощный стимулятор нервной и психической деятельности, наподобие фенамина. Он вполне сгодился бы десантникам, покорителям горных вершин и работникам экстремальных аварийно-спасательных служб.

Мог, при желании потребителя, служить достаточно сильным галлюциногеном, при этом не разрушающим, а все так же укрепляющим и оздоравливающим организм.

Еще одно свойство, незаменимое для таких, как Антон, узников, – синтанг вполне заменял женское общество, которого они были лишены окончательно и навсегда. Только если гашиш, который «горный старик» давал своим «ассасинам», чтобы продемонстрировать им мусульманский рай с гуриями и шербетом, был все-таки наркотиком, до «слега» далеко не дотягивающим, синтанг в нужной пропорции и концентрации мог обеспечить полное впечатление близкого общения с девушкой «твоей» и чьей угодно еще мечты. То

есть любой фактически существующей и с любой степенью достоверности придуманной. И – главное, данная иллюзия сопровождалась необходимыми физиологическими последствиями, так что узник от нарушений на этой почве не страдал.

Хорошо зная русскую литературу, Антон внезапно вспомнил абзац из «Записных книжек» Ильфа.

«Экстракт против мышей, бородавок и пота ног. Капля этого же экстракта, налитая в стакан воды, превращает его в водку, а две капли – в коньяк „Три звездочки“. Этот же экстракт излечивает от облысения и тайных пороков. Он же лучшее средство для чистки столовых ножей».

– Совершенно про синтанг написано. Наверное, Илья Арнольдович где-то тут у нас побывал, – бормотал форзейль, обнимая очередную пассию, которой придал облик и темперамент Софи Лорен времен ее участия в фильме «Брак по-итальянски».

Реально знакомых ему женщин он в свои забавы втягивать избегал. Может быть, оттого, что лемовский «Солярис», не фильм, а книгу, помнил хорошо даже в нынешнем *раздерганном* состоянии. Не маньяк же он и не извращенец.

Выйдя «из запоя», попытался взять себя в руки. Да, узник, да, пожизненный, да, возврата и пути к спасению нет. Но это не повод умереть в объятиях придуманной красавицы, пуская слюни, как последний деградант. Уж лучше сделать что-нибудь вроде обряда «сеппуку», написав изящное предсмертное стихотворение. Холодного оружия у него полно. Вот любых *огнестрелов,* лазерного, пучкового, гравитационного и прочего высокотехнологического оружия ему иметь не позволялось. А в чем смысл запрета? Все равно ограды нет, охраны на вышках нет, воевать не с кем, пресловутую *сферу* и бортовым залпом космического линкора не пробьешь. Но – ход мыслей судей и тюремщиков простому узнику понять не дано.

Тем не менее – наложить на себя руки совесть не позволила. И гордость. Дать возможность этим сволочам и гадам торжествовать – извините. Погибнуть в бою, пусть и заведомо проигрышном, – пожалуйста, но самому… Пошли вы все на…

Тут же вспомнились совсем давние (по нормальной шкале), годы, когда носил темно-зеленый мундир с золотыми капитанскими погонами и, несмотря на малый чин, беседовал в палатке за накрытым по-походному столом с Великими князьями, будущим царем Александром Александровичем и главкомом Николаем Николаевичем. Он пытался им внушить, что не стоит затевать Плевенско-Шипкинскую операцию, куда лучше, оставив демонстративные заслоны, предпринять, в стиле Шлиффена, глубокий обход правым флангом от Бухареста через Видин и Софию прямо на Константинополь, оставляя Балканы и главные силы турок в тылу. Чем предвосхитил стратегическую идею немцев в войне против Франции в сороковом году следующего века.

Его не послушались и получили то, что получили, а Антон, довольно успешно покомандовав передовым отрядом Скобелева, в нужный момент отбыл к Главной квартире турецкого полководца Осман-паши, где в роли английского инструктора принес русской армии гораздо больше пользы.

Этот давний опыт слегка его воодушевил, в том смысле, что безвыходных (совсем уж безвыходных) положений не бывает. Иногда достаточно просто взглянуть на жизнь под другим углом.

Следующие месяцы он изнурял себя физическими упражнениями всех известных ему методик – земных и форзелианских. Как будто ему предстояло, с боем вырвавшись из тюрьмы, пешком пересечь пустыню Калахари, сражаясь с аборигенами и дикими животными. Не пил синтанга, ничего вообще, кроме чистой воды из родника, ел невкусную, но полезную пищу. Сжег на костре свой труд, старательно развеяв пепел по ветру, и начал

писать новый. Издевательский по отношению к своей Конфедерации настолько, как «Похождения бравого солдата Швейка» – к австрийской империи.

Практического толка и от этой акции немного, ущерба достоинству неприятеля – еще меньше, но хоть позабавиться…

На третьем году прискучило и это. Все чаще стали повторяться приступы депрессии, мучительной, особенно по утрам. Снова появились мысли о добровольном уходе из бессмысленной жизни, и Антон возвратился к синтангу.

Ему оставалось только экспериментировать с этим гранулированным порошком, который поступал по линии доставки, в надежде нащупать такую концентрацию отвара и температурный режим, которые позволили бы ему исполнить замысел.

Не самоубийства, его он оставил на крайний случай, причем способ придумал эффектный, в стиле римлян-сибаритов эпохи упадка.

Сейчас он убедил себя, что если удастся привести мозг, всю нервную систему в особое состояние, по тому типу, как это ухитрялся делать профессор Удолин, кое-какой шанс у него появится. Сам Антон врожденными способностями медиума не располагал, «не на то учился», однако уверовал, что годы «просветления» не прошли даром. Одиночество, размышления и медитации, похожие на те, что выводили на тропу сверхчувственных способностей земных йогов, должны были повлиять на структуру его личности в нужном направлении. Плюс воздействие синтанга, всех свойств которого по-настоящему не знал никто, но мудрецы его клана добились куда большей глубины постижения, чем прочие расы миров Конфедерации.

Сфера, или куб непроницаемости, которые заменяли тюремные стены, не могли быть непроницаемыми абсолютно. Каким-то образом ведь функционировала линия доставки, канал связи с Информарием, откуда-то брались свет и воздух, удалялись продукты метаболизма? И энергия. Не вечный же двигатель вкупе с тотальным синтезатором здесь установлен. Да и слежка за его поведением непременно осуществляется. Значит, герметичность сферы – фикция. Раз так – следует хотя бы эманацией мысли попробовать нащупать ее слабые места.

Самостоятельно выскочить в Гиперсеть эфирным или квантовым «телом» он не надеялся, а вот послать ментальный сигнал тем, кто на это способен, – отчего бы и нет?

Можно сказать, что узник одиночки начал учиться тюремной азбуке перестукивания, не зная толком, сидит ли кто-нибудь в соседних камерах. Ему хотелось верить, что внешний мир существует, совпадает по времени с его узилищем и в нем еще живут люди, которым его судьба не безразлична. Которые захотят и смогут помочь.

Подобно Серафиму Саровскому, круглосуточно, на автопилоте, независимо от того, что еще говорил и чем занимался, повторявшему «молитву Иисусову» [11], Антон «на разных волнах», используя все известные ему формулы, посылал в мировой эфир сигнал бедствия и пытался уловить какой-нибудь отклик. Ведь когда таким же образом взывали к нему Новиков или Шульгин, он принимал их сигнал, даже находясь очень далеко пространственно и хронологически…

К входным терминалам Замка он тоже пытался апеллировать, рассчитывая на то, что, недобросовестно выполнив приказ руководства, оставил ему достаточно степеней свободы и объемов памяти, чтобы тот уловил обращенный к нему вызов-запрос.

Но отклика все не было, ниоткуда, и дух Антона постепенно начал хиреть, вырождаться, теряя последнюю волю к сопротивлению. Форзейль не имел возможности узнать, что тоскливо тянущиеся для него годы – на Земле уложились в неполные две недели, а его призыв достиг цели уже на третий день…

---

[11] »Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешного».

О неравномерности хронополя он, естественно, знал достаточно, просто не было способа выяснить его нынешнее состояние относительно иных реперных точек. С тем же успехом все могло обстоять полностью наоборот, и его сутки – соответствовать земному году. Тогда друзей просто нет уже в живых и надеяться не на кого, разве что в Замке поселились и освоили его их потомки…

…Пребывая в глубоком упадке духа, перебирая в уме тексты древних мудрецов своего клана, способные окончательно погасить деятельные эмоции, оставив только смирение перед неизбежностью, выведя разум за пределы длящегося физического настоящего, Антон не сразу понял, что «прорыв блокады» только что состоялся.

Ощущение походило на то, что испытал Дантес, очутившийся после своей вонючей одиночки (кстати, Дюма нигде не указал, имелась ли в его камере параша или же какая-то система канализации, а это существенный момент) в морских волнах и вдохнувший соленого ветра. Только это случилось в ментальной сфере и воздух свободы наполнил не легкие, а мозг.

Не прошло и минуты, как он увидел в возникшем перед ним «окне» знакомое лицо Шульгина.

Какое-то время мысли Антона еще путались, реальности налагались друг на друга, он то нес прежнюю околесицу, то начинал говорить разумно, едва-едва сдерживая наворачивающиеся на глаза слезы. Слишком долго ждал…

Параллельно в мозгу открылся второй канал связи, по которому он начал получать четкие инструкции, часть из которых оставлял для внутреннего употребления, часть передавал Сашке, будто исходящие от себя лично.

Времени у них на организацию и совершение побега было немного, минут пять-десять локальных, а потом или канал не выдержит, или его засекут охранно-следящие системы «сферы».

Антону пришлось пережить момент смерти его здешнего тела, чтобы высвободить «дух» и оставить врагам неопровержимое доказательство завершения жизненного пути «просветляемого», чего не получилось у будущего графа.

В то же мгновение свернутая в волновой пакет матрица, примерно таким же образом, как некогда Шульгин был внедрен в тело наркома, преодолев сколько-то парсек и лет, оказалась в февральской Москве тридцать восьмого года, в квартире и в теле Юрия, бывшего аггрианского резидента, ныне дезертира, скрывающегося под личиной писателя-неудачника.

Утвердилась на новом месте, развернулась и начала обживаться.

Дальнейшее известно» [12].

[12] См. роман «Скорпион в янтаре».

Глава третья

Завершив свое повествование, которое, как я заметил, стоило ему немалых нравственных усилий (это только у нас в послевоенных дворах парни, отсидевшие год или три, рассказывали о тюремном житье-бытье с такой бравадой и подъемом, что многие малолетки легко поддавались этой «профориентации»), Антон выпил коньяка, который явно теперь был ему милее, чем пресловутый синтанг. А что – приятель-пограничник рассказывал, как пристрастие к анаше в Средней Азии сбивали обыкновенной водкой. Вполне успешно.

– Потом я еще немного покрутился между Замком, Лондоном, Москвой и Барселоной, сменил три тела (при этих словах на лице его мелькнула кривая усмешка, совершенно человеческая), встретился с так называемыми «дуггурами»…

Уловив мое недоумение, пояснил:

– Это представители побочной расы, в незапамятные времена вытеснившие с Земли в своей альтернативной ветке неандертальцев и кроманьонцев (книжки Саймака и Толкина про прежних хозяев планеты читал? Так в том же роде, только для нас хуже), и мы с Замком (о Замке – скажу отдельно), получив в свое распоряжение пленных, захваченных Шульгиным, задумались. Хочешь верь, хочешь – не верь, но даже на нашем уровне – противник это страшный и опасный…

Он в нескольких емких фразах обрисовал мне ситуацию, как он ее успел оценить сам. В самом деле – сюжет для добротного фантастического сериала. Земного происхождения, но несколько десятков тысяч лет (если не миллионов) развивающаяся по непостижимым биологическим и социологическим законам двухуровневая цивилизация. Такие вещи я схватываю быстро и тут же начинаю строить в воображении полноразмерную модель. Как и любую другую мыслеформу.

Так что мы имеем, если Антон достоверно изложил вводную? Каким-то образом, в естественном порядке или, что куда вероятнее, с помощью внешнего воздействия (целенаправленный эксперимент Держателей Мира или непредусмотренная мутация?), случилась такая вот хохмочка. Часть млекопитающих (?) гоминидов каким-то образом свернула на путь высших насекомых коллективного типа.

По крайней мере, из описания действий так называемых «монстров» следовало, что они этологически ничем не отличаются от обычных муравьев. Носят одежду, пользуются огнестрельным оружием, имеют, судя по всему, гораздо больше степеней свободы – ну и что? Это непринципиально. Важна суть. За счет миллионократно большего, чем у насекомых, объема и сложности нервной системы они могут *имитировать* гуманоидный стиль поведения, оставаясь в сути своей теми же муравьями. Только над инстинктами, любой степени сложности, пристроен еще один механизм, позволяющий вводить управляющие и стимулирующие сигналы, считывать информацию и так далее. Совсем грубо говоря, образовался этакий симбиоз муравейника, состоящего из теплокровных особей двухметрового роста и свободномыслящего вида «управляющих», избавленных от грязной работы и физического труда как такового.

Догадаться о форме и технологии существования такого общества не сложно, мы-то особи *свободномыслящие*, но понять, *зачем* оно возникло, и разобраться в деталях его устройства – может и жизни не хватить. Особенно если кто-то вознамерится ее насильственно укоротить. Вопросов, естественно, у меня возникла масса, но я их пока что решил оставить при себе. Пусть Антон продолжает «подход к снаряду». А что речь идет именно об этом, я не сомневался.

– С десятком «монстров» справиться может Шульгин, ну и ты, разумеется. Да почти любой мужественный, подготовленный, должным образом вооруженный человек. С сотней,

даже тысячей повоевали успешно, но уже с напряжением сил, привлечением танкового батальона и порядочными потерями. Победили за счет *внезапности сопротивления*, в некотором роде, и кое-каких не учтенных противником личных способностей. А вот со всей их цивилизацией мы, опираясь на ресурсы и технологический уровень двадцать пятого и даже тридцать восьмого года, не совладаем ни в коем случае. Это тебе понятно?

Чего не понять? Если все обстоит подобным образом, то кисло. Разве, как в «Войне миров» марсиане, новые агрессоры вымрут от гриппа или ветряной оспы. В ином случае – что им можно противопоставить? Еще не созданные механизированные корпуса? Поршневые истребители и бомбардировщики? Атомного оружия нет, если только не притащить несколько зарядов из будущего. Что остается? Замок в качестве неприступной крепости, «альпийского редута», плюс «Валгалла», вышедшая в открытое море, – достойная база сопротивления. Установка СПВ позволит наносить врагу чувствительные, в каждом данном месте даже и смертельные удары, но у двух десятков человек элементарно не хватит времени и объема внимания, чтобы отразить тотальное, планетарного масштаба нашествие.

Что касается остального человечества, надежд на него мало. Антон прав, и дело даже не в несопоставимости чисто военных возможностей. Главный вопрос опять в психологии, ну и в геополитике тоже. То положение, в котором сегодня находится мир, ни за что не позволит ему мобилизоваться для отражения тотальной угрозы. Этот мир просто не успеет понять ее масштабы и суть. Стоит одновременно в десятке ведущих стран объявиться многотысячным ордам странного врага, как системы государственного управления рухнут. Потому что одновременно с «монстрами» придут «дуггуры» второго порядка. Кто может исключить, что они легко сумеют взять на себя управление человеческими мозгами?

И коллаборационисты в высших слоях европейских обществ непременно найдутся. По тем или иным причинам. Допустим, Югороссия с нашей помощью продержится дольше других. Но это уже будет непринципиально.

Перейдя к «партизанской войне» мы, Братство, сможем какое-то время причинять им массу неприятностей, но… Снова пресловутое «но»! Как можно сражаться с противником, ничего не зная о структуре его общества, истинных технических возможностях, мобилизационном потенциале, уровне «сверхъестественности» и прочих важных вещах?

Рота современного для конца XX века спецназа ГРУ без потерь способна разделаться с полком вермахта образца сорок первого. А вот с корпусом или армией – отнюдь. В рассматриваемом случае соотношение сил может оказаться еще более несопоставимым. Кроме того, нельзя исключать, что в какой-то момент большая часть человечества перебежит на сторону противника. Своей волей или под гипнозом – не важно.

Лично мы в случае чего в Замке сумеем отсидеться, но Земля будет потеряна наверняка. Хорошо, если только в одной реальности…

Тут я сообразил, что мы говорим не о том. Поначалу, от изумления, что ли, я совершенно выпустил из вида очевидный факт. Да и не слишком мне такую *рассеянность* можно поставить в упрек. Запутался я во временах и их пересечениях. Услышав Сашкино имя и слова о его участии в спасении Антона, я чисто автоматически подумал, что они *пересеклись* в астрале *здесь*. Сам Шульгин просто не успел из Новой Зеландии сообщить мне об этом эпизоде. Но сражения с монстрами и Барселона?

– Подожди, Антон! – Я нервно щелкнул зажигалкой и только сейчас заметил, что пепельница почти полна окурками. Плохо – начинаю терять контроль за динамическим стереотипом. – Мы говорим о чем? О тридцать восьмом, причем какой-то побочной ветки. Шульгин, ты сказал. Но он ведь завязал с наркомовскими делами уже давненько… И благополучно воссоединился… Теперь же выходит… Что?

– Так вот получилось. Откуда ему знать, здешнему, и тем более – тебе? Остался он там, понимаешь? Третьей копией матрицы. Даже мне это понять не слишком легко. Опять какие-

то силы вмешались, или?.. Мы с ним обсуждали его возвращение *домой*, и он таки вернулся вполне благополучно. И все же опять остался. Дайяна ли к этому руку приложила, законы природы, свойства матрицы как таковой или Шульгина персонально… Не знаю. В общем, неожиданно для меня он продолжил руководить Шестаковым, да вдобавок творить такое… Испанскую войну выигрывать, в астрал лезть напролом, сразу все методики использовать, о которых самое отдаленное представление имел: и мои, и аггрианские, и от Удолина подхваченные. Черт его знает, может, эти безобразия косвенным, а то и прямым образом на мою судьбу и повлияли. Внимание этих самых дуггуров привлекли. Могу даже вообразить, что их специально на него навели, чтобы укорот дать… За неимением других способов, раз он в Сети сумел короткое замыкание устроить!

У меня там прошло три года, даже немного больше, а у него, со всеми прямыми действиями и побочными отвлечениями… – Антон, как первоклассник, загнул пальцы на руке, – три месяца, от силы…

…Вы не поверите, но страшно мне вдруг стало, я не скажу, как. На *настоящих* фронтах так страшно не было. Это ведь начинается нечто совсем уже непостижимое. Сашка множится в бесконечность, как отражения в напротив поставленных зеркалах. Мир теряет последние черты осмысленности. То, что я увидел в музее провинциального города, – не случайный сбой программы, а знак… Знак чего? Полной деструкции мироздания? То, чего мы опасались, но всерьез не верили, – пресловутое «расползание ткани»?

– Подожди, – повторил я. Интересно, остаток коньяка, несколько длинных затяжек и минута созерцания безмятежного солнечного утра помогут возвращению в меридиан? – Пусть все так, как ты сказал. Но ведь… По всем схемам, которыми мы руководствовались, как раз тридцать восьмой и наш с Алексеем сорок первый считались абсолютно тупиковыми псевдореальностями. Никуда не ведущими, существующими только потому, что мы согласились поиграть в этих декорациях…

– Рад, что ты сохраняешь ясность мышления и почти все понял правильно, – кивнул Антон удовлетворенно. – В этом наша единственная надежда. Реальность *там* действительно пока что «псевдо». Но по своим характеристикам приближается к настоящей. Сам факт, что в нее просочились дуггуры, о чем-то говорит? Слишком уж Саша старался ее *материализовать*. И получилось у него гораздо лучше, чем у вашего Ростокина…

– У него? – Я едва не стукнул кулаком по столу. – У него? Придумать мы с ним можем чертову уйму забавных для нас вариантиков. Но уж никак не новую, совершенно дурацкую цивилизацию. В Испании он бы занимался войной. В Москве разыгрывал с детства любимые вариации на тему Арамиса, Ришелье, графа Монте-Кристо, само собой, но уж никак не изобретал никчемные сущности. Кто-то его заставил остаться в Шестакове? Но у него ведь, здесь присутствующего, спрашивать об этом бессмысленно?

– Само собой. Интересная цепочка выстраивается. Сейчас я странным образом не могу вспомнить: зачем я вышел с ним на связь в тридцать восьмом? Попросил, чтобы он от лица Шестакова подкинул Сталину докладик насчет дальнейших перспектив руководимого им государства, после чего возвратился, предоставив дальнейшим событиям развиваться естественным образом. Шульгин, согласившись со мной, вдруг взял и остался. Причем даже предупредил: «Тут у меня интересный вариант наклевывается. Они будут думать, что я ушел, а я…»

Мне не хватило времени вникнуть в суть идеи, связь с Сашкой прервалась. Почти сразу «мне в дверь постучали». Об остальном я узнал уже после того, как… Очень похоже, что эти события между собой связаны.

– Но он же вернулся очень давно, после этого мы с ним и с тобой не один раз встречались…

Антон развел руками:

– С тобой и с ним мы встречались в двадцать пятом году этой линии, а с *тем* Шульгиным я встречался в тридцать восьмом! После того как он из него два раза ушел. Неужели непонятно? Мог ты, *исходный,* в восемьдесят третьем или восемьдесят четвертом что-нибудь сказать о своем поведении в другой реальности **до** и **после**?

– Закончим друг другу мозги компостировать? – предложил я. – Толку все равно ноль, на разных языках сейчас говорим. С огромным наслаждением я бы попросил тебя удалиться туда, откуда пришел, только врожденное любопытство удерживает меня от подобной бестактности. Слишком уж хреново оборачиваются твои посещения…

– Не от меня зависит, Андрей, – вздохнул форзейль. – Я такой же раб обстоятельств, как ты, как все…

– Тогда продолжим, если ничего не поделаешь… Значит, мы пришли к тому, что Шульгин скорее всего находясь *под контролем* в своей третьей реинкарнации, каким-то образом послужил катализатором проникновения дуггуров в тридцать восьмой и, по логике, должен открыть им дорожку в иные параллели?

– Не исключаю. Замысел мог быть именно такой. Но в силу неучтенных факторов личного характера и/или вмешательства чего-нибудь еще Александр сумел переломить ситуацию. Вплоть до того, что кукловоды поймались в свою же ловушку…

– Теперь по возможности коротко и четко изложи, что тебе нужно лично от меня… – Я понимал, что веду себя слишком уж грубо, но ничего не мог с собой поделать. Реванш так реванш. Нечто подобное, кстати, я Антону обещал. Давненько. Мол, имею желание рассчитаться с тобой за кое-какие моменты, но не сейчас, при случае.

Форзейль сделал вид, что не уловил моей интонации.

– От тебя? Сейчас я договорю, потом вместе и подумаем… Вот мы с Замком (он, к слову сказать, за мое отсутствие, не желая развоплощаться, или демонтироваться, как предписывала Инструкция, вообразил себя полноценной личностью, за что вам отдельное спасибо, и оказался неплохим парнем) крутили ситуацию так и этак и додумались…

– До чего? – взяв себя в руки, пришлось мне сказать дежурную фразу, чтобы поддержать разговор «в тонусе».

– Просто нужно отмотать пленку чуть-чуть назад, и только. Не довести до ситуации, когда дуггуры к нам полезут…

– Это, простите, как? Мне вспоминается некто из древних, заявивший: «Даже боги не могут бывшее сделать не бывшим». Да и ты нечто вроде того говорил…

– Сейчас другой случай. Развилка между несуществующими мирами не пройдена, она еще *висит.* Знакомый тебе случай. Ни одно *реальное* действие на ГИП не совершилось. Наша встреча и разговор – в том числе. Вообрази – мы с тобой сейчас **нигде.** До тех пор, пока эта веранда и комната состыкованы с Замком. Легко можно все отыграть назад, точнее – вперед. До Шульгина и наших с ним забав целых тринадцать лет, до вторжения дуггуров – тоже.

– Перестань меня *грузить,*– сказал я и выпил из рюмки, которую минут пятнадцать грел в руке. – Все это я понимаю ровно в той мере, как принцип работы компьютера. Будучи человеком культурным и цивилизованным, соглашаюсь, что если при нажатии кнопок клавиатуры на экране происходит то-то и то-то, значит, действительно маленькие пластиночки с проводками на такое способны. Под влиянием поступающего из розетки электротока. Материализм и диалектика. Думать иначе – это уже поповщина, как выражался товарищ Ленин в своих бессмертных трудах…

– Снова понесло, – одобрительно сказал Антон. – Я начинаю верить в успех своей миссии…

– То есть? – спросил я со всей возможной степенью подозрительности.

– То есть – нам придется перехватить Шульгина в одном из ключевых, а равно и роковых моментов. Убедить его вернуться «домой» именно из этой точки, потому что дальше процесс с большой степенью вероятности может стать неуправляемым. То есть *фиксация* все-таки произойдет…

– Неужели это так сложно, что потребовалось мое непосредственное вмешательство? Вы на пару с Замком сделать этого не можете? Взять под белы руки, и все. Как он приволок Сильвию тебе на расправу…

– В том и беда, что не можем, – вздохнул Антон. – Главная проблема – он сейчас телесно находится в условно материальном мире тридцать восьмого года, а психически – в Узле, более того, под воздействием Ловушки. Она его еще окончательно не скрутила, но к тому идет. Как только его сознание воспримет навязываемую мыслеформу подлинной реальностью, она сама вернет его в мир, но… Мир этот будет другим, и я далеко не уверен, что в нем найдется место для вашего двадцать пятого. Откуда, в самом деле, возьмется белая Югороссия, если в тридцать восьмом единым и могучим Советским Союзом по-прежнему правит Сталин? Значит, никакой Гражданской вы не выиграли, и ты, сейчас передо мной сидящий, находиться здесь не имеешь права. Пока ты здесь – невозможен *тот* мир. Пока Шульгин *там* – превращаешься в химеру ты. Уловил?

Кто-то придумал и разыгрывает блестящую комбинацию. Все позиции *обнуляются*. В самом лучшем варианте те из вас, кто успеет, смогут укрыться в Замке, и все мы окажемся в положении, что было до ухода «Валгаллы» в двадцатый год. ГИП снова выпрямляется, а то, что успел натворить Шестаков-Шульгин, постепенно сойдет на нет. Да ничего он, по большому счету, еще и не сумел (не сумеет). Шестаков без него в лучшем случае приведет испанскую войну к ничейному счету. Из чего следует, что раньше, позже, но мировая война все равно начнется, с тем же приблизительно соотношением противоборствующих сил и с похожим итогом. Частности не в счет…

– И кто все это учинил? Ты, по-моему, в этой колеснице истории не последняя спица…

Антон развел руками.

– Теперь я не уверен ни в чем. Готов даже поверить, что ни Игроки, ни Держатели к этому не причастны или причастны лишь косвенно. Замок даже высказал гипотезу, что **они сами** могли оказаться жертвой Ловушки, а то и Суперловушки, рассчитанной специально на них…

– Угу, – согласился я. – На кого липкая бумага, на кого мышеловка, а бывают еще медвежьи капканы и ловчие ямы на мамонтов…

– Не стал бы отрицать…

– Такие, значит, дела, – сказал я, когда мы некоторое время дружно помолчали. Просто чтобы что-нибудь сказать. Дела-то и вправду интересные. Глупость ситуации заключается в том, что все приходится, как и раньше, принимать на веру. Полагаясь исключительно на собственную интуицию. По правде, Антон нас никогда не обманывал *внаглую*, но и степень зазора между тем, что говорилось и что получалось на самом деле, иногда оказывалась достаточно велика. Так ведь и наша вина в подобных случаях была не последней. Как известно, в любом серьезном предприятии лишь тридцать процентов результата зависит от точного расчета, остальное – воля случая и обстоятельств, возникающих в процессе практической реализации.

Кроме того, наше положение сравнимо с таковым у ответственного лица, получившего информацию о готовящемся против него теракте. Можно не поверить и сидеть спокойно, утешаясь тем, что в девяноста процентах такая информация оказывается «дезой». Или все-таки начинать действовать по стандартным схемам, по принципу «береженого бог бережет»?

Антон понял источник моих сомнений.

– Знаю, что в строгом смысле доказать тебе собственную правоту не смогу никаким способом, ибо в нашем случае любое доказательство и документ ты при желании назовешь сфабрикованным и будешь по-своему прав: с нашими возможностями сфабриковать что угодно – не проблема. Но тем не менее… Я снова пришел к тебе, мы говорим, как равные, и ты не можешь обвинить меня, что я хоть когда-нибудь поступил не по чести. Возрази, если я не прав. Посмотри своими глазами, что там происходило с Шульгиным, и попробуй сделать непредвзятые выводы…

Он, как уже проделывал это раньше, движением руки подвесил над столом сгустившуюся из пустоты сферу трехмерного видеоэкрана, на котором с немыслимой быстротой, может быть, несколько сотен кадров в минуту, замелькали картинки, сопровождаемые весьма конкретными и достаточно пространными комментариями. Нормальный человек вряд ли успел бы что-нибудь осмысленное уловить в этом мельтешении, но у меня возможностей восприятия хватало. Те самые *спящие* мозговые структуры, до функций и механизма действия которых современные физиологи не докопались до сих пор, у меня могли включаться автоматически, по потребности.

За несколько минут я увидел и постиг все, что произошло (и продолжает происходить) с третьей реинкарнацией Шульгина после того, как Антон с Лихаревым *подвели* его к Сталину, с самим Антоном после *освобождения* и с прочими близко знакомыми мне персонажами. Вплоть до завершения битвы с дуггурами и *реанимации* Замка в новом качестве [13].

Признаться, я Сашке позавидовал. Были бы мы там с ним вдвоем… Совсем иначе можно было дела закрутить. В Испании вообще, и с необъясненными, а может быть, и необъяснимыми дуггурами. Но последнее время неназванные силы нас старательно разводят. Что взять мою историю с попаданием в город на разломе времен, что его похождения. 2005 год не берем, там иная *конфигурация*.

– Хорошо, допустим, я тебе в очередной раз поверил. И что из всего этого вытекает? Что делать будем? Практически?

Я поймал взгляд Антона и обернулся. В проеме двери стояла Ирина, кутаясь в халат. Она успела привести себя в порядок в той мере, чтобы появиться перед пусть и знакомым, но посторонним мужчиной.

Антон проворно вскочил, поклонился, изобразив искреннюю радость и положенное восхищение. Наигрыша тут не было: по самым строгим канонам Ирина оставалась красавицей высшего разбора. Вот интересно, а как у форзейля (форзейлей) обстоят дела в этом плане? Как-то они, разумеется, размножаются, но вот никаких разговоров на амурные темы я от него никогда не слышал. Охотно допускаю, что при их ориентированности на феодально-конфуцианские принципы женщины в том обществе существуют подобно отдельной касте и даже расе, безотносительно к внешнему миру. Значит, тогда эти ребята отстают даже от аггров, где женщины в роли начальниц – обычное дело.

Однако еще и в такие дебри ксенопсихологии мне вдаваться не с руки. В своих бы разобраться.

Нормальная жена из современных произведений и фильмов, застав мужиков за утренней выпивкой и обсуждением очередных военизированных мероприятий, непременно бы изобразила одну из двух женских реакций – возмущение, или отчаяние: «Вы, мол, гады, с ранья глаза заливаете, так вас и так!» – или же: «Опять за свои дела взялись, а меня на кого покидаете, вдовой оставить хотите…»

Но Ирина, как я уже отмечал, во время нашей последней акции удивительным образом преобразилась из тихой домашней женщины в подобие Валькирии. Надоела ей домашняя жизнь, или гены взыграли.

---

[13] См. роман «Скорпион в янтаре».

Вот и сейчас она возникла именно в названной ипостаси. Наверняка успела усвоить ту информацию, что Антоном только для меня предназначалась, и сделала свои выводы.

Села, закинула ногу на ногу до крайних пределов приличия, не стесняясь того, что и край трусиков просматривался. Не знаю, Антона она собралась этим зрелищем из равновесия вывести? Меня вроде удивлять нечем и незачем. Долго, наверное, слушала наш предыдущий разговор, раз включилась в него с ходу.

– Вот именно. Кино ты показал интересное. А дальше? Кого лично мы теперь спасать будем, с кем драться?

Взяла из моей пачки сигарету, дождалась, пока я поднес ей огоньку. Медленно выпустила дым уголком рта. Взгляд у нее был жесткий. Посмотреть со стороны, так еще чуть-чуть, и можно представить, что она, преобразившись, работает на тех ребят, что Антона в тюрягу законопатили.

И где-то ее понять можно.

– Ни с кем, Ира, ни с кем, – ответствовал Антон. – Навоевались, кажется, по самое некуда. Я – тем более ни о чем, кроме покоя, не мечтаю. Поселился бы рядом с вами, чай с вареньем по вечерам пить приходил. И все на этом. Вы хоть все вместе и до сих пор на свободе, уберегла судьба, а мне отмерила полною мерою… Совсем о другом у нас с Андреем речь идет…

– Ну да, «наш последний решительный» – и все.

– Смеешься? А так и есть. Сейчас я прошу Андрея об очень маленьком одолжении. Да, черт, при чем тут одолжение? – с досадой одернул он сам себя. – Мне уже ничего не нужно. Я прямо сейчас могу превратиться в совершенно частное лицо вроде твоего предшественника, Юрия, затеряться в дебрях этого мира, ни вы меня не найдете, ни *другие.*

– Инда побредем дале, – к слову припомнилась цитата из протопопа Аввакума.

Антон иронии не уловил. Глянул с недоумением, продолжил:

– О вас я беспокоюсь. Последний, можно сказать, шанс. Всего дел – перехватить Шульгина в «точке перегиба», убедить вернуться к нам полностью и окончательно, и все проблемы кончатся…

– Так **ты** думаешь, – глядя поверх его головы, сказала Ирина.

– **Так** я думаю, – в тон ей ответил Антон.

Их взгляды скрестились.

«А вы ведь до сих пор врагами себя чувствуете, – подумал я. – Как бывший участник восстания Варшавского гетто и бывший немецкий солдат, пусть и не носивший эсэсовских рун на петлицах».

Захотелось вмешаться. Но – для чего? Пусть посоревнуются. «Брожение жизненной закваски», любил повторять в подобных случаях Волк Ларсен. Не мой капитан «Призрака», а настоящий, джеклондоновский.

Но соревнования не вышло. Оба разом отвели глаза. Сообразили, что нечего им теперь делить. Разве что – меня? Так смешно.

(Если подумать – не так уж и смешно, только нужно чуть-чуть поменять точку зрения.)

– Работа несложная, но ответственная, – продолжил Антон. – Тот Шульгин, что окажется там, где ты его перехватишь, не совсем тот. Психика у него сильно сдвинута. Сумеешь нащупать «несущую частоту», убедить *вернуться* – все последующее не случится. В Испании останется, как было, в СССР – тоже. Картинка замрет. Навсегда или «до особого распоряжения». И дуггуры, пробив стенку, окажутся не более чем в «соседней камере». Бетонированной и не имеющей выхода вовне.

– Считаешь – удастся? – с интересом спросила Ирина. – А куда уже случившееся денешь?

Значит, из-за двери она наш разговор не подслушивала, вошла сразу, к началу «киносеанса».

– Тебе ли объяснять? – спросил Антон с легким сожалением. – Бывшее и будущее – вроде как противоположные категории, но есть у них существенная общая черта. То и другое – функция от наших представлений о них, и только. Будущее станет или не станет таким, каким мы хотим его видеть. Нечто бывшее может быть подлинностью для тебя, а я о нем ничего не знаю, и для меня его просто нет. Шульгин и кое-кто еще вообразили себе свое прошлое и наше будущее таким вот образом. Мы – можем это *передумать*. Вот то, что случилось со мной, передумать нельзя.

– Забавно, – включился я в научный спор, под шумок плеснув себе еще коньячку. Как говорил мой дед, в таком деле без бутылки не разберешься. – Передумать нельзя, а вытащить тебя из тюрьмы человеку, которого нужно предварительно отговорить от того, чтобы это он сделал, – можно?

– Удивляюсь, – глянул на меня Антон, словно институтский преподаватель, внезапно сообразивший, что я и на неполное среднее не тяну, посещая его высокоумные семинары. – Ты на самом деле не понимаешь, что если я здесь – это свершившийся факт, к предыстории вопроса отношения не имеющий? Остальное остается в рамках гипотез. Проще объясняю – один из персонажей выдернут из плоскости киноэкрана и реальной истории, как Василий Иванович Чапаев полста лет влачит отдельное существование в качестве персонажа анекдотов, в то время как пленка истлела, а изображенные на ней события признаны недостоверными. Вот так и я. Моя реальная биография, откуда нам знать, может быть, закончилась до того, как построены Пирамиды. От того, что в письмах Сенеки к Луцилию постоянно встречаются слова автора: «Завтра, может быть…», ты ведь не думаешь, что его и твое «завтра» имеют хоть что-то общее. Пора бы привыкнуть…

– Так, может быть, – сказала Ирина, – лучше мне сходить туда, куда ты хочешь послать Андрея? Шульгин меня послушается быстрее, чем его…

Она улыбнулась этак, фривольно, я бы сказал, и никакого сомнения ни у кого не могло возникнуть, что не только Сашку, любого мужика она сможет убедить в чем угодно, увлечь хоть в ад…

Какая-то неграмотная цыганка, в реальной жизни (если она у нее вообще была) XIV века наверняка страшная, грязная и беззубая, заставила одного из поклонников провозгласить: «Я б душу дьяволу отдал за ночь с тобой!» Та же Эсмеральда в исполнении Лоллобриджиды получилась вполне очаровательной девушкой, но Ирина все равно несравненно лучше. Только я оказался непроходимо устойчив к ее чарам, отчего и случилось все последующее. Не оказался бы – история могла сложиться, как в случае, когда Антоний прошел мимо Клеопатры, пожав плечами: «И что в этой бабе находят?»

– Нет, Ира, твой вариант… ну, не тянет, – скрывая смущение, ответил Антон. – Начиная *такую* игру, ты должна будешь довести ее до результата. Думаешь, Шульгин удовлетворится твоими подмигиваниями и приоткрытой коленкой? Он с самой первой встречи, когда вы только познакомились с Андреем, а он представил тебя ему, мечтает совсем о другом. Я ясно выражаюсь? Он ведь, некоторыми частями своей личности, понимает, что происходящее вокруг – не совсем настоящее. Так он воспринимал придуманную реальность Ростокина. От последнего пребывания на Валгалле тоже остался привкус *недостоверности*. Твое появление он с удовольствием воспримет как еще одну составную часть галлюцинации и хотя бы в ней постарается реализовать свою *мечту*… Если этого не произойдет, ты окажешь сопротивление – а ты ведь окажешь, – реакция Шульгина будет крайне негативной, с *непредсказуемыми* последствиями.

Ирина кашлянула и опустила глаза. Да чего уж тут. Я это знал отлично, и все, кому нужно, тоже. Левашов – первый. Они оба на Ирку запали с момента, когда я привел ее на

наше студенческое сборище. Хотя, вот убей, не пойму – что тут за хитрость такая? Своих девчонок им не хватало? Проблемами этого сорта никто из них не мучился. Скорее наоборот, в смысле донжуанства я прилично отставал. Наверное, в данном смысле – человек недоразвитый.

Нет, в том, что другая девушка может показаться интереснее – умом, юмором, кокетством даже, про ноги, лицо и фигуру я не говорю, у всех наших подружек с этим всегда было в порядке, – сомнений нет. Но так уж страдать, дергаться, быть готовым совершить непоправимые глупости, при том, что не о всепоглощающей любви идет речь, а только о телесном влечении, это дело мне непонятно.

– Все же, – неожиданно продолжила Ирина, – ты ведь сам сказал, что это будет происходить в неопределенном месте и времени, как бы даже во сне. В его, в моем… Кто помешает довести *флирт* до известной грани, а там остановиться, намекнув, что остальное – позже…

Тут уже я хмыкнул, с явным неудовольствием. Интриги интригами, психологические игры, цель оправдывает средства и так далее, но тут уже перебор.

Ладно, Ирке захотелось поиграть в леди Винтер – нет возражений. Но край нужно чувствовать. Без всякого ханжества, в ее варианте психический срыв у Сашки может быть такой силы, что черт знает куда полетят все планы и расчеты… Да и на «потом» он не купится, не дурак, сообразит, что его именно выманивают из реальности, где желаемое возможно, в совсем другую, где шансов соблазнить Ирину у него ноль целых хрен десятых. Пробовал, ручаюсь, только ни он, ни она мне об этом не рассказывали.

Одним словом, идея продолжения не получила. Ирка сказала, что в крайнем случае можно сходить к нему вдвоем, по той же самой причине, для большей убедительности, но и эта мысль была отвергнута мною и Антоном. Ненужная, как он выразился, концентрация сил. Если Шульгин вдруг окажется настолько невосприимчивым к доводам разума, то что двое, что один его станут убеждать – без разницы. Двое даже хуже, исходя из обычной психологии – вольно или невольно будут друг другу мешать, не имея возможности на глазах у оппонента согласовывать свои позиции и доводы.

– Вы ведь не сумеете с ходу поставить безупречную пьесу, где все реплики распределены так, что у *третьего* не останется возможности для маневра?

Я согласился, что так и есть. Даже диалоги Сократа, если в них ввести третьего собеседника, много потеряют в убедительности, если не рассыплются вообще.

– А тебе, Ира, на случай, если у Андрея все же не получится, лучше всего заняться организацией эвакуации. Свяжись с друзьями, теми, кто здесь, вкратце объясни ситуацию, и я вас всех переправлю в Замок. Проведете вместе очередной отпуск. Дела, если они на самом деле есть, – тут он слегка усмехнулся, – пару недель потерпят. А вы восстановите рассыпающиеся связи… Не так?

– Так, так! Но все равно происходящее мне активно не нравится, – агрессивно ответила Ирина.

– Да о чем речь? – Антон изъявил полное согласие. – Жизненный опыт и приличное знание истории мне подсказывают, что за последние три-четыре тысячи лет большинству людей окружающая их жизнь тоже не слишком нравилась. За отдельными исключениями мир вокруг и то, что в нем происходило, вызывало у населения массу нареканий, как личного, так и мировоззренческого характера. Я, например, почти не знаю эпох, в которых не были бы в ходу выражения типа: «в наш подлый век», «в это невыносимо тяжелое время» и тому подобное. Хоть на глиняных шумерских табличках такие сетования можно прочитать, хоть в газетах того две тысячи пятого, куда вас занесло…

– Зато в две ноль пятьдесят шестом, где мы тоже побывали, я таких настроений не встречала. Мне показалось, что по крайней мере в той России большинство своей жизнью вполне довольно…

Антон пренебрежительно махнул рукой:

– Так на то она и химера. Человечества сон золотой. Причем я не уверен, что камрад Ростокин в своей исходной жизни был абсолютно счастлив и всем доволен. Иначе не сбежал бы в вашу компанию… Но мы опять отвлекаемся, по-моему. Я вот на своем месте от всей души радуюсь, что больше не сижу в тюрьме, а наслаждаюсь вашим обществом. Вам тем паче грех жаловаться. Варианты и перспективы у всех есть, в отличие, скажем, от блокадников Ленинграда. Тем, ни в чем не виноватым, не имевшим ни малейшего права выбора своей судьбы, никто не предлагает (не предлагал, не предложит) никаких вариантов. Даже лишней буханки хлеба с банкой тушенки, не говоря о возможности сменить промороженную квартиру на багамскую виллу…

Я подумал, что слово он выбрал верно. Именно Багамы в сорок втором году, в разгар войны мировой, и Ленинградской блокады в частности, были самым спокойным местом для тех, кто имел единственную заботу – найти тихий курорт у теплого моря. Все остальные, от Сочи, Дубровника, Кипра, вплоть до Фиджи с Гавайями, – в зоне беспощадных военных действий. И захотелось мне вообразить обычного доходягу, персонажа «Балтийского неба» Н. Чуковского или «Блокады» А. Чаковского, внезапно получившего такое предложение.

Мы, само собой, пока еще не в том положении, а там кто его знает, если по-настоящему прижмет…

– Впрочем, – уловив мою мысль, или под влиянием собственных слов, вдруг решил вспомнить форзейль, – у меня подобный случай был. Именно в Ленинграде и именно в сорок втором году, в феврале, если не ошибаюсь. Появилось у меня там дело, потребовалось встретиться с ближним сотрудником Жданова, вторым секретарем горкома ВКП(б) товарищем Кузнецовым, впоследствии расстрелянным. Дело прошлое, суть не в нем, но попутно, случайным штрихом, такая история приключилась… – Лицо у него стало печальное.

– Иду я пешком от «Астории» в направлении Смольного, все документы в порядке, и форма на мне старшего майора НКГБ [14] (самая удобная по тем временам, поскольку комиссара [15] даже и третьего ранга там встретить было маловероятно, а на прочих я плевать хотел). Мог и на машине поехать, хоть на «эмке», хоть на «ЗиСе», с этим проблем не было, а вздумалось – пешком. Для впечатлений, наверное. После Лондона, там пусть и бомбили каждый день, но совсем иная жизнь. Вечер, часов семь, пожалуй, так там и в четыре уже темно. Рассказывать, как на улицах все выглядело, – не хочется. У нас, Ира, психика чуть другая, – неизвестно почему решил он опять задеть мою подругу, может быть – в воспитательных целях*, – мы, форзейли,* народ чувствительный, моментами – на слезу слабее, чем земляне.

За спиной я вещмешок нес – собирался одному человеку подарок сделать, чтобы разговор легче пошел.

И вдруг, на перекрестке Литейного и Пестеля, кажется, или совсем рядом, идет мне навстречу девчонка, лет двенадцати-четырнадцати, как мне показалось. Еле идет… Впечатление – через десяток шагов может упасть и больше не подняться. Мороз был градусов пятнадцать, если не ниже. И пуржило прилично.

Я ей путь загораживаю, спрашиваю – куда это ты, зачем по такому времени и такой погоде? Она меня не испугалась, нет, тогда военных не боялись, наоборот.

– Домой иду, дядя, товарищ командир, от бабушки. С Фурштатской. Ей совсем плохо, и дома тоже. Холодно, папа без вести пропал, аттестат на него отменили. Маминых карточек совсем не хватает. Ну, я пойду, можно?

---

[14] Старший майор – спецзвание НКВД и НКГБ до 1943 года, обозначалось двумя ромбами, что примерно соответствовало комдиву (генерал-лейтенанту) армии или дивизионному комиссару, но с несравненно большими полномочиями.

[15] Комиссар НКВД (НКГБ) третьего, второго и первого ранга – высшие спецзвания этих ведомств, обозначавшиеся тремя и четырьмя ромбами, по своему положению их носители несравненно превосходили обладателей всех прочих чинов и званий СССР. Расстреливались или арестовывались только по особому распоряжению лично т. Сталина.

Антон замолчал, мы тоже. Я в том блокадном городе не был, только книжки читал, Ирина – тем более. А он был, оказывается.

В несколько ином виде предстал он после этих слов. Дальнейшее я примерно представлял, зная Антона, но послушать было интересно.

– Хвастаться нечем, конечно, – вздохнув, сказал он, – однако для фильма или романа сцена вышла бы душещипательная. Лучше всего – для рождественской сказки, только Рождество к тому времени прошло. Проводил я полумертвую девочку до квартиры, промерзшей насквозь. Женщина, встретившая дочку в темной прихожей, в тогдашних знаках различия понимавшая, испугалась, меня увидев. Хотя уж чего в их положении пугаться? В тюрьме накормят. Ну, я успокоил, как мог. Вышел на площадку, оторвал с двух маршей лестницы деревянные накладки перил, поломал на подходящие поленья, буржуйку им растопил. Во всей десятикомнатной квартире только мать с девочкой и оставались…

Он опустил глаза, и остальное мне стало понятно. Хорошо еще, если замерзшие трупы в соседних комнатах не лежали.

– У меня в мешке банок шесть американской тушенки было, копченой колбасы много, кольцами, две головки сыру, хлеба три буханки, шоколад в брикетах для летчиков, витаминизированный, сгущенка. Все я им оставил. Даже папиросы. Не курит – продаст на базаре. На мать смотреть сил не было, а девочка кусочек шоколада отломила, за щеку положила и плачет… Эх!

Антон замолчал и отвернулся.

– И что потом? – взволнованным голосом спросила Ирина.

– Не знаю, не проверял. Не ангел я, слетающий с неба. Брать под свою опеку двухмиллионное голодающее население у меня возможности не было, а выделить из них произвольно двух-трех человек… – Он пожал плечами. – Надеюсь, того, что я им оставил, на месяц-другой продержаться хватило. А там весна, пайки прибавили… Не знаю…

Каким-то образом этот частный эпизод из прошлого/будущего отбил у Ирины дальнейшее желание спорить.

Да и на самом деле, о чем спорить? Задача мне предстояла самая, пожалуй, легкая из тех, что возникали раньше. Всего-то – доходчиво и убедительно поговорить со старым другом… Не зная, впрочем, его истинного психического состояния, всей глубины *мотивации*, импровизируя на ходу, без права на малейшую ошибку. Много лет назад мне не хватило сил и способностей убедить Сашку не жениться, вследствие чего вся его последующая жизнь (в одном из вариантов) пошла под откос. У кого-то из мудрых я читал: «За каждым успешным мужчиной стоит талантливая женщина». И наоборот, разумеется.

Зато в планируемой акции не ожидалось никаких боестолкновений, опасных политических игр, контактов с потусторонними силами или инопланетной агентурой. Все это, упаси бог, еще впереди, если не удастся доставить сюда *потерявшегося* товарища в целости и душевной сохранности.

Впрочем, если и удастся, никакого грядущего «благорастворения воздухов» я тоже не ожидал. Не та у нас участь, судьба или карма. Правильно писал Симонов:

Как будто есть последние дела,
Как будто можно, кончив все заботы,
В кругу семьи усесться у стола
И отдыхать под старость от работы…

Если даже мы сделаем все как надо, отменим само существование дуггуров, будь они неладны, надумаем укрыться в Замке или возвратиться на Валгаллу, непременно и очень скоро приключится очередное *событие*, тревожно запоет кавалерийская труба, и придется,

наскоро оседлав коней, снова нестись, сломя голову, за чем-то или от чего-то. Как карта ляжет.

Поэтому, забыв о предутренней хандре, о недовольстве Ирины, о том, что дело может не выгореть и тогда начнутся совсем другие варианты, я встал и сказал Антону:

– Подожди минут с десяток. Я соберусь. Каким образом предпочтительно одеться? Где состоится встреча?

– На вашей яхте, ты разве еще не догадался?

Как, интересно, я мог догадаться? Кадров просмотрено было достаточно, и мне показалось, что на роль ключевых моментов могли с наибольшей достоверностью претендовать два: ночь в московской забегаловке, где Шульгин, на краткий миг внедрившийся в шкуру энкэвэдэшного филера, собирался роковым для себя образом проникнуть в Гиперсеть, или хижина в горах, до того, как Сашка ввязался в бой с гориллоидами. Эта точка казалась мне наиболее вероятной – не начни Шульгин стрелять по приспешникам дуггуров, они, может быть, не зафиксировали бы его в своей памяти, потеряли бы след… Для чего-то ведь была введена в его похождения именно эта мизансцена. Так сказать – взаимное представление героев начинающегося трагифарса…

Причем я помнил, что в нашем с Антоном разговоре промелькнула мысль о том, что Сашку долженствует изъять из сюжета до того, как он выручит форзейля. Не уверен, что это было непременным условием, но сам факт такого парадокса присутствовал.

А вот на сценку с «Призраком» я внимания, признаться, не обратил, а ведь должен был. Старею, что ли?

На самом деле, пропустил я ее *поверху* просто по причине навязчивой повторяемости.

Не говоря о прямой перекличке с молодостью, когда все было придумано, имел в изначальном прошлом место наш разговор на яхте в Севастополе, когда я ушел в дальнее плавание, а Роман остался. Вдруг в новом сценарии зачем-то его опять вернули в ту же точку, в нашу кают-компанию, и, подержав там недолгий срок, без всяких видимых причин отправили дальше «по тропе войны».

Очередная «пересадочная станция» между реальностями, или все же именно там, на «Призраке», Шульгин принял, или наоборот, должен был принять, но не принял роковое решение?

Очень вероятно. Выглядит вполне логично. Где же, как не там? Подходящая психологическая аура… Пардон, для чего подходящая? Для выбора «за» или выбора «против»?

Мне бы вдобавок еще узнать, что в данном случае означает то и другое.

Но бог с ним. На «Призраке» мне будет легче ориентироваться.

– Почему не догадался? – сблефовал я. – Где же еще нам мировые проблемы решать? Только ты переправь меня туда хоть на полчаса раньше, чем Сашка появится. Я тогда переоденусь по форме, нужное настроение успею создать. С учетом всех предыдущих вариантов…

– Так и сделаем. Пошли?

– Сейчас. Оставь нас ненадолго одних…

Антон кивнул и с достоинством отошел в глубину своей половины совмещенных пространств.

– На самом деле ничего сложного я в этой миссии не вижу, – сказал я, положив ладонь Ирине на плечо. – Надеюсь, почти уверен, что Сашку я выдерну. Слишком много у меня с ним *контактных точек*. Если не сумею, тогда это не он. Вернусь, и станем жить дальше. Нам и того Шульгина, что здесь имеется, выше головы хватит…

– А ты уверен, что яхта, на которую пойдешь, – настоящая, а не очередной фантом?

– Кто же в таком может быть уверен? В универе на семинарах я от всей души обличал субъективных идеалистов и солипсистов, а теперь, с течением жизни, убедился, что именно

они и правы, а весь наш марксизм-материализм – тьфу! Плюнуть и растереть… До тех пор, пока палуба под ногами не провалится и напитки в баре будут *доставать,* – сочту, что яхта настоящая. У тебя, кстати, никакой в каюте хитрой детальки нет, чтобы только ты о ней знала? Глядишь, для меня еще один «маячок»…

– Без толку, – спокойно ответила подруга. – Если «Призрак» скопирован, сдублирован – все на месте будет, о чем ты знаешь и не знаешь… Просто сделай, что сможешь, и возвращайся. Никакого «погружения в сюжет», не поставив меня в известность. Обещаешь? Иначе не пущу…

– Обещаю, – ответил я со всей искренностью. На самом деле, ничего другого я делать не собирался. Даже если сильно попросят.

– Ладно, верю. Пошли. – Она потянула меня за руку.

– Сколько времени займет это дело? – требовательно спросила Ирина у Антона, остановившись перед ним и приняв несколько вызывающую позу.

– Кто бы знал, – безмятежно ответил форзейль, гася окурок в серебряной, похожей на старинные часы карманной пепельнице. – Если мы примем за факт, что после встречи Андрея с Шульгиным все станет на свои места, – в пределах ныне существующей реальности часа два, может – три, как у них разговор пойдет. Сложности начнутся позже…

– Какие? – Глаза у Ирины сузились, и она, при всем несходстве фенотипов, напомнила мне сиамскую кошку перед броском.

– Обычные. Из неопределенного *нигде* они вместе с яхтой окажутся *где-то* в здешнем мире. Надеюсь, поблизости от Замка, который, в свою очередь, совсем не в текущем времени. Зато – в пределах *нашей* досягаемости и системы связи. Короче, сделав свое дело, Андрей с Шульгиным скорее всего смогут *позвонить* тебе оттуда, где окажутся. И уже после этого мы начнем решать следующий вопрос – где и как встретиться…

– Учти, Антон, – неприятно улыбаясь, сказала Ирина, – если что-нибудь пойдет не так, с тобой-то я сумею свести счеты. Пусть и без всякой пользы, но сумею. Ты у меня где нужно зафиксирован. Достану и превращу тебя в мезонное облачко. Есть средство, и ты это знаешь…

– Знаю, знаю… Только зря ты нервничаешь. Сколько раз повторять – в благополучном исходе я заинтересован, пожалуй, больше вашего. Риска, для Андрея, во всяком случае, на этом этапе – ноль. Для всех остальных, если у него не получится – поровну. И хватит меня взглядами испепелять, а то, надо же, боевую молодость вспомнила… Валькирия наша ненаглядная…

Тут в его словах, человека, на полторы сотни лет старше Ирины и со специфическим жизненным опытом, я уловил и искреннюю симпатию, и намек на то, что Валькирия, ввязавшаяся в человеческие дела и отдавшая предпочтение любви, теряет свою сверхъестественность… К благу своему или наоборот – никто не скажет, кроме нее самой.

– Хорошо, Антон. Деваться мне некуда, но мои слова ты запомнил, да?

– Эх, Ира… Знала бы ты… Да ладно… – Он каким-то затуманенным взглядом посмотрел на нее, на меня, на море далеко внизу. – Может, еще проще сделаем? Чтобы тебе не бегать, меня не искать, я до завершения миссии с тобой останусь? Вместе посидим, по парку вашему погуляем. Хороший у вас парк… А для связи – вот. – Он достал из кармана очередную капсулу мгновенной межпространственной связи, она же – переходник. С помощью такой Воронцов попал из Сухума в Замок, потом на войну, потом обратно.

На том мы и расстались, после еще некоторого количества дежурных фраз.

Прощальное объятие с моей Валькирией, прощальный взгляд, гагаринское, для лихости, «Поехали!», и я уже там.

Глава четвертая

«Призрак» прилично покачивала мертвая зыбь. Ветра почти что и не было, но волна поднимала яхту метров на шесть вверх и так же плавно опускала. Если вестибулярный аппарат не в порядке, то плохо. Желудок и нервы выходят из-под контроля. Тест, можно сказать, на профессиональную пригодность.

Но мне было все равно. В физиологическом смысле. Организм выносил и не такое. Межпространственные и межвременные переносы, невероятная невесомость Сети – что на этом фоне килевая качка маленькой яхты?

Я испытывал очередной прилив душевного подъема, не оттого, что мне предстояло, – совсем от другого. Не важно, что скоро произойдет или уже происходит. Я снова дома, если так можно выразиться. В том смысле, что полчаса или час, как получится, я имею возможность верить, что ничего не случилось во внешнем мире, что мне снова и по-прежнему восемнадцать лет и все мои друзья, и старший брат, относившийся к моим фантазиям со снисходительным интересом, живы и будут жить еще долго-долго. Хорошо бы – дольше меня.

Кормовой балкон возвышался над уровнем воды едва на два метра. Когда яхта идет под парусом, узлов по десять, и море спокойное – на него приятно выйти, покурить, любуясь кильватерной струей, воображая что-нибудь романтическое, стряхивая пепел сигары в то серые, то пронзительно-синие волны.

Когда шторм попутный и десятибалльная волна догоняет, угрожающе изгибая нависающий пенный гребень – тогда не то! Тогда следует молиться, чтобы не накрыла, не вышибла стекла и не слизнула, как корова языком, надстройки и мачты. Бывали случаи. Говорят, так случилось со знаменитым клипером «Ариель», выигравшим немало «чайных гонок» и погибшим в волнах Индийского океана в 1872 году. Океану ведь все равно, что там болтается на его поверхности: круизный лайнер в сто тысяч тонн, линейный корабль или посудинка четырехсоттонная.

С левого края балкона, где я рефлексировал и готовился к предстоящему, мне хорошо видна освещенная сумрачным светом дождливого и туманного дня кают-компания яхты «Призрак», в последнем его, каноническом, если так можно выразиться, варианте. Основная конструкция была придумана нами – Сашкой, Олегом и мною, в том числе в незабвенные шестидесятые годы. Когда даже вообразить нельзя было, чтобы граждане Страны Советов стали владельцами океанской яхты и беспрепятственно ходили на ней по морям и океанам, даже не подразумевая текущих обстоятельств, экономических и политических. «Холодной войны», борьбы с космополитизмом, вещизмом, ревизионизмом и тому подобных идеологических извращений загнивающего социализма.

С тем бьльшим вкусом и азартом мы на уроках в последнем классе школы, потом в студенческих аудиториях чертили проекции корпуса, рисовали интерьеры кают, составляли списки нужных в дальнем плавании припасов… Разрабатывали маршруты… Все это обсуждали, бродя по вечерним улицам, заполненным подобной нам молодежью, пусть и озабоченной иными проблемами.

Подслушай кто-нибудь наши тогдашние споры о бриллиантах, способах их добычи и продажи на черных рынках Африки и обеих Америк, о долларах и фунтах, о том, какого оружия и сколько нам потребно для реализации очередного сценария, – мы могли бы иметь серьезные неприятности. В струе тогдашнего отношения партии к «низкопоклонству» и фарцовщикам. Совсем недавно были с большим шумом арестованы и расстреляны по личному указанию Хрущева ныне забытые Рокотов и Файбишенко, наши почти ровесники, составившие немыслимый по советским временам капитал на перепродаже импортных жвачек, сига-

рет и галстуков с попугаями. Но, слава богу, для нас – обошлось. В наших кругах «стукачи» если и были, то убедительных доносов составить не смогли, или – адресаты тех доносов не сообразили, как подшить к делу цитаты из только что вышедшего и вполне разрешенного собрания сочинений Джека Лондона.

А я все наши фантазии записывал, дословно или преломляя определенным образом, рисовал карты походов, сопровождаемые собственными же иллюстрациями. Они были неплохи, но Берестин, к примеру, нарисовал бы лучше. Только не было тогда никакого Берестина. Да и есть ли он на самом деле или его я тоже придумал?

Потом тем не менее эта детская мечта стала реальностью. Слишком, наверное, сильно и отчетливо все это было «визуализировано» молодыми мозгами, свободными от воздействия отупляющей реальности и более приземленных эмоций. Не так, разумеется, как воображалось, с совершенно избыточными издержками, но все же…

Сильвия, преследуя собственные цели, подарила мне яхту «Камелот», и в октябре двадцать первого года, когда почти все намеченное в области большой политики было сделано, мы с Сашкой решили уйти со своими девушками в дальнее плавание, предоставив прочим «братьям» разбираться с Югороссией, а главное – с тем тупиком, в который мы сами себя загнали.

Тупик, может быть, слишком сильно сказано, но в моем понимании идея себя изжила. Да и намек поступил весьма недвусмысленный, с двух сторон сразу, что лучше бы нам на долгий срок избавить цивилизованный мир от своего присутствия. Ставшего, очевидно, слишком назойливым.

Подготовили мы «Призрак» к походу, в меру сил и способностей приблизив оригинал к идеалу, распрощались с друзьями, согласовали важные и не очень моменты, и вдруг, в последний момент, Шульгин вообразил, что уйти не может. Не должен. Слишком интересная и непонятная (по его словам) интрига начала раскручиваться в Севастополе, в Москве, в Берлине.

«Так прощаемся мы с серебристой, самою заветною мечтой, флибустьеры и авантюристы, братья по крови, горячей и густой?»

Таким же образом, как недавно в квартире Лихарева Сашка решил «уйти, чтобы остаться». Так и сделал. Случилось после этого решительного шага много интересного [16], а итог каков? После всех приключений и коловращений жизни он опять оказался здесь, на яхте, в точке принятия очередного судьбоносного решения и в совершенно непонятном узле скрещения нескольких мировых линий. Во многом друг друга взаимоисключающих.

Значит, что? Весь гигантский круг через века, реальности и страны – коту под хвост? Астрал в ответ на отчаянный бросок Шульгина отшвырнул его к точке, где все мы совершили главную ошибку? И все вокруг стало точно таким, как было тогда, когда я еще во что-то верил и надеялся?

«Стоп, – сказал я себе. – Тогда – это когда? В девятьсот двадцать первом, двадцать пятом или… В шестьдесят шестом, когда на желтоватых листах студенческой общей тетради был зафиксирован именно этот вариант? А то и „инвариант“. То есть по-прежнему мы кружимся вокруг (или внутри) одной и той же картинки. Почему бы и нет, кстати?»

Дождь, что косо захлестывает под крылья ходового мостика, туман, что висит над морем, разве не те, что я придумал и описал? Не та на мне одежда, не те мысли крутятся в голове? А сама яхта? Вот я сейчас снова заглядываю с балкона внутрь нашей кают-компании…

[16] См. роман «Время игры».

Слегка заваленные внутрь, обшитые светлым деревом борта, бронзовая отделка иллюминаторов, старинные лампы в карданных подвесах под подволоком. Имитация адмиральского салона на парусном фрегате XIX века.

О несколько большей современности судна говорит многоярусная полка, на которой рядами выстроились бутылки с самыми изысканными и экзотическими напитками, которые мы только сумели найти во всевозможных каталогах. Перед ней стойка бара темного дерева, по краю окантованная латунью, ряды стаканов, бокалов, рюмок и пивных кружек в штормовых решетках. Винтовые табуреты, как положено.

Все, что нужно, чтобы посидеть с товарищем или подругой, отвлечься после утомительной вахты. Вокруг обеденного стола и внутри выделенных книжными стеллажами зон отдыха – кожаные кресла и диваны. На небольшом возвышении комбинированный музыкальный центр с клавиатурой электрооргана, по переборкам развешаны молекулярные копии любимых картин вроде «Бульвара Капуцинов» и «Оперного проезда». Сквозь толстые стекла иллюминаторов, покрытые извилистыми дождевыми струйками, на стойку падает унылый сероватый свет.

Антон перебросил меня сюда, как и обещал, за час до встречи. Я обошел жилые помещения и технические отсеки «Призрака», заглянул в свою каюту. Там все было как прежде. Переоделся по погоде, сунул в карман плаща пистолет. Тогда, в шестьдесят шестом, лучшей машинкой я считал «08» [17], по ряду причин. Так он и лежал в правом верхнем ящике, хорошо смазанный и протертый. Коленчатые рычаги затвора ходили мягко, патронов в косом магазине было доверху. Не для *дела* я его взял, исключительно для антуража.

Успел заодно создать и другие подходящие условия для встречи друга, который сегодня, может, уже и не друг…

От этой мысли неприятный холодок пробежал между лопаток.

«Солярис» здесь, что ли? Да ну, ерунда!

А почему ерунда, почему не «Солярис»? Лем небось не глупее нас был, и вряд ли все просто «из головы придумал». Может, ему тоже соответствующие «видения» были, и все такое прочее…

Нет, вы понимаете, прошел я по яхте, которую знал, как слепой – свою однокомнатную квартиру. Это был не тот «Призрак», перестроенный из бывшего «Камелота», на котором мы с Ириной провели больше двух месяцев, успели обойти полмира. Это был *настоящий,* то есть изначально придуманный нами, от киля до клотиков.

А кто в силах меня убедить, что Шульгин не окажется вымышленным в переплетениях Сети «кадавром», ориентированным на единственную, очень для меня неприятную функцию?

Короче говоря – приехали…

А вот и Сашка. Как и было сначала описано мной, а потом случилось на самом деле (минимум два раза), он спустился по трапу с верхней палубы, осмотрелся несколько недоуменно. Подошел к большому, в полстены зеркалу, специально предназначенному, чтобы офицер мог привести себя в порядок, после вахты входя в уголок «нормальной жизни». Зная, что его никто не видит, слегка порисовался, молодой и бравый, в новом, необношенном флотском светло-синем кителе, с эмблемой «Призрака» на левом рукаве. Состроил возвышенную мину, потом улыбнулся простодушно, одернул полу, щелчком сбил воображаемую пушинку с плеча.

[17] Пистолет «борхард-люгер» образца 1902/08 г., известный под названием «Парабеллум».

Ну, хорош, хорош, кто же спорит? Именно таков, как в приснопамятном Н-ском году… Значит, его сюда *вставили* не в реальном на момент акции облике, а таким, каким он сам хотел выглядеть в минуты релаксаций, намаявшись в шкуре наркома.

Не покажусь ли я ему слишком старым для равноправного общения?

Только ситуация сейчас подается в зеркальном отражении. В моем «каноническом» тексте, потом и в реальности выглядело все ровно наоборот. Не он здесь сидел – я, первым придя на палубу готового к походу «Призрака», а сам Сашка появился уже потом. Ладно, посмотрим, как будет дальше.

Шульгин боком присел на привинченный к палубе табурет у стойки, на соседний бросил красиво обмятую фуражку с широким, окованным по краю медью козырьком. Не глядя протянул руку, взял первую попавшуюся бутылку, до которой достал. Наудачу.

Опять совпало! Джин «Бифитер», которым в набросках «того» романа и в подлинном Севастополе двадцать первого года мы отмечали начало кругосветного плаванья.

Сашка выпил, но как-то неуверенно. Похоже, ждал, что, по логике сюжета, скрипнут новые, не приработавшиеся пока петли двери за спиной и появлюсь я, кто же еще? По его воспоминаниям, других персонажей не предусматривалось. И завяжется та самая, историческая беседа, в которой, пожалуй, он мог бы согласиться с моими доводами и отправиться в дальний поход на другую сторону шарика.

Подождал минуту, другую, с глубоким разочарованием плеснул еще пару унций джина, в одиночку сделал основательный глоток из тяжелого, как артиллерийская гильза, «штормового» стакана. И пригорюнился. Ничего и никого вокруг, способного рассеять его «вельтшмерц» [18].

У меня с этим не лучше. Сомнения вдруг навалились, иррациональный страх перед очередным, как бы не окончательным сломом сюжета и судьбы, усталость, такая, будто я на самом деле, день в день прожил все эти годы, с шестьдесят четвертого до восемьдесят четвертого, с двадцатого (тысяча девятьсот) до пятьдесят шестого (две тысячи), и обратно… Со всеми привходящими обстоятельствами.

«…Может быть, через некоторое время друг найдет способ возникнуть здесь? – думал Сашка, прислушиваясь, как алкоголь, проникнув сквозь гематоэнцефалический барьер, распространяется по синапсам, нейронам и аксонам. – Без него сцена никак не тянет на достоверность. А как бы хорошо было! Андрей войдет, мы поговорим, как встарь, вместе признаем право Игроков забавляться в меру сил и возможностей. Те взамен вернут нам зря потерянное время, молодость, яркость чувств и сильно помятый об углы жизни оптимизм, „и полные трюмы, и влажные сети, и шелест сухих парусов. И ласковый, теплый, целующий ветер далеких прибрежных лесов“…

Может быть, такую форму и формулу капитуляции стоит принять? Снимается масса парадоксов. Всем становится легко и весело. Правда, непонятно, куда девать собственную память и массу документальных свидетельств, что все мы жили и после нынешнего момента? Каждый по-разному, но ведь жили же…

Тут возникает вопрос, собственный или опять наведенный: «А если действительно все стереть прямо с этого момента, взамен сейчас в салон войдет Новиков, с ним Ирина и Аня – согласен? Обрадуетесь, обнимитесь после долгой разлуки – и вперед?!»

Вот так нас, дураков, и ловят, – продолжал эмоционировать Шульгин, глядя на свое отражение в зеркале над стойкой. – Какая разлука? Мы же все виделись, с кем вчера ночью, с кем – сегодняшним утром. Они настоящие – со мной тамошним. Но даже если предполо-

[18] Вельтшмерц – мировая тоска *(нем.)*.

жить… Приобретя душевный покой и океанский круиз, что я отдам взамен? Четыре года жизни, всего лишь. Исчезнут из ноосферы Ростокин, реальность-2056, наши разборки с англичанами, веселые дела двадцать четвертого, Сталин с Шестаковым… Да много чего еще… В том числе главное – осознание того, что действительно получил очередную порцию счастья взамен… Если удалось не попасть под колеса машины, которую ты даже не заметил, разве возможно радоваться этому везению? Вот если бы рядом выставить две картинки – твоих собственных похорон и праздничного вечера, на который ты спешил и успел, – тогда да, тогда бы оценил…»

Значит, опять кому-то это надо! Чтобы забылось и исчезло.

И все равно соблазн был почти непреодолим.

«Ну, забудешь, и забудешь. Это же только лучше. Для всех. Были ошибки, так сотрем их, и – с чистого листа».

Шульгин одним глотком осушил стакан. Еще раз оглянулся. Теперь – чтобы посмотреть, не скрывается ли за высокими спинками кресел у обеденного стола некто, похожий на Мефистофеля.

Вроде нет.

Но искушение поддаться навязываемым мыслям и решениям сильно, сильно! Пусть он не святой Антоний, но занимаются им плотно. Практически неверующий, Сашка, благо никто не смотрит, старательно перекрестился, вспомнив, что надо справа налево…

Я, может быть, и не дословно, но по смыслу достаточно точно представлял сейчас ход его мыслей. Мог предвидеть некоторые следующие поступки. Не телепатия, просто синтонность и знание обстоятельств. Особенных трудностей в предстоящем разговоре теперь не ожидал.

Тот раз я ему сказал:

– Не думаешь ли ты, что как раз Держателям захотелось нас с тобой разлучить? В каких-то собственных целях. Не зря же идея (не ходить в плавание, а остаться в Севастополе) возникла у тебя только что?

– Нет, – ответил Шульгин. – Ни на твое, ни на мое мышление они впрямую воздействовать не могут. Отчего и изобретают всякие окольные ходы. Чтобы принудить нас к тем или иным «добровольным» поступкам… Если бы умели – все наши приключения не имеют смысла.

– Для нас не имеют, – возразил я. – Для них – очень даже могут…

Сашка встал с табурета. Подошел к шкафу и с трудом вытащил с одной из полок толстую книгу в потертом зеленом переплете с золотым тиснением на корешке. Мне и смотреть не надо – «Конфуций. Уроки мудрости», не что иное.

Он полистал ее, навскидку открыл в одном месте, в другом. Прочитал выпавшую гексаграмму, про себя, но автоматически шевеля губами. Покрутил головой, со смутной улыбкой поставил книгу на место. Пожал плечами и не спеша направился к двери балкона.

Мне осталось только принять небрежную позу, облокотившись на планширь, и, когда щелкнул замок, не спеша обернуться.

– Привет, – сказал я, протягивая руку. – Место встречи изменить нельзя, как бы банально это ни звучало…

Сашка фыркнул со всей доступной степенью презрительности. Протянутую руку пожал, но более сильных чувств изображать не стал. К чему мы только не привыкли, но человеческая составляющая в нас до сих пор превалировала, и в глазах его я заметил тень смятения.

Он стал рядом со мной, точно так же положив локти на полированный мореный дуб, зубами достал из пачки сигарету, прикурил.

– Не рад, что ли? – осведомился я, тоже беря у него «Кэмел» без фильтра. – А мне показалось, ты все время ждал чего-то именно в этом роде…

– Ну да. «Поезд в ад». Сейчас подтянутся остальные, и покатимся мы… Гулянка продлится вечно и бесконечно. Я уже один раз умер, ты, думаю, тоже, и никаких проблем у нас впредь не возникнет…

Настроение Сашкино мне совсем не понравилось. Да, со всяким может случиться приступ депрессии, ранее называемой «черной меланхолией». Большая часть его приключений «тела и духа», совершившихся в «третьей ипостаси», мне уже была известна. И тем не менее… К реанимации и интенсивной терапии следует приступать немедленно.

– А где это мы сейчас? – неожиданно спросил Сашка. – За туманом ни черта не видно. Когда меня сюда *переместили*, показалось, что опять Севастополь, только на палубе и в низах ни души, и легкое ощущение не до конца отреагированного бреда…

– Джин хоть подействовал?

– Кажется, да, – ответил Шульгин, прислушавшись к своим ощущениям.

– Это утешает. Есть в мире хоть что-то настоящее. Пойдем в каюту, сыровато здесь и холодно, а там – лепота. Разговор, прерванный бог знает когда, закончим, да и к тематике текущего момента плавно перейдем…

Шизофрения, как известно даже таким дилетантам, как я, – нечто вроде расщепления сознания, причем не всегда сопряженное с деградацией личности. Бывает и наоборот. Горизонты мышления раскрываются. Вот, скажем, психиатр спрашивает у нормального человека: «Что общего между карандашом и ботинком?» Тот, естественно, отвечает: «Ничего». И по-своему прав. Шизофреник же уверенно говорит: «И тот и другой оставляет след». Вполне изящная ассоциация, для нас далековатая, но в должных обстоятельствах могущая оказаться полезнее прочих.

Сашка сейчас был раздерган между двумя телами, причем в одном тоже ощущал некоторую двойственность. Короче – «един в трех лицах», как принято выражаться по определенному поводу. Не было в этом большой проблемы, если бы через неизвестно какие каналы и струны Гиперсети не поддерживалась между личностями определенная сверхчувственная связь. Мистические Сашкины силы от этого естественным образом возрастали, и последнее время он уже начал творить разные мелкие чудеса. Только вот что касается последствий…

Моей нынешней миссией, незначительной в сравнении со всеми предыдущими, было восстановление исходного статус-кво. Слишком много Сашка успел организовать парадоксов самого сомнительного свойства, ни в коей мере этого не желая. Рок событий нес его, как волна серфингиста. Как было верно замечено кем-то, кто выше нас: «Не он играл, его играли, и им играли».

Одну безусловно полезную вещь он сделал, никто не спорит, – изолировал пучок наших реальностей от постоянного внимания и влияния Гиперсети. Побочным следствием его бессознательных эскапад явилось спасение Антона, что для нашего дела крайне ценно. Замок вновь активизировался, тоже якобы в наших интересах. Впрочем, для меня это пока не факт, но и выбирать, по большому счету, не из чего.

Сейчас я должен убедить Сашку (именно убедить, а не заставить) согласиться на воссоединение в единой личности.

Хорошо хоть, что момент выбран до чрезвычайности выигрышный: он (вот этот) еще не знает (или все-таки знает?), что случилось с ним позже…

«Так это ж получается, что на какой-то момент возникает уже четвертая копия? – подумал я. – При условии, что он продолжил свое существование и позже: спас Антона, довоевал

в Испании и так далее… Хотя, если мы с ним сейчас договоримся, того, что там случилось, просто не произойдет. Кинопленка остановится, как в нашем с Берестиным случае сорок первого года. Но кто тогда вытащит Антона и вступит в конструктивный диалог с Замком?»

«Шифер на крыше» в очередной раз медленно зашевелился, готовясь начать движение в известном направлении. Ну и ладно. Теперь уже мы сами создаем очередную «ловушку сознания» для кого-то другого. Замку, в конце концов, виднее. Он, со своими непостижимыми возможностями, определил, что именно здесь, на «Призраке», Шульгин более всего готов отказаться от навязанной ему миссии, и сам почти криком кричал в ментальном диапазоне: «Ничего мне не нужно, пусть все станет, как было!» Правда, это его «как было» распространялось вплоть до самого начала нашей истории и даже за ее пределы. Но с этим мы как-нибудь справимся…

Но мне-то… Очередной раз требуется напрячь остаток сил, чтобы заставить друга правильно отнестись к моим словам. Ничего, кроме слов, я не могу ему предложить. И если не получится – значит, все. Разойдемся по разным орбитам. У каждого она своя. При этом ничем я не могу доказать, что моя лучше и правильней…

Единственное очень и очень негуманное действие, которое напрашивается, – еще раз показать Сашке (в самый крайний момент, конечно) до ужаса натуралистический момент его жалкой смерти. Пятнадцать лет назад объяснять ему за рюмкой, насколько не подходит ему та женщина, которую он вздумал назвать своей женой, – это одно. Знающие люди меня поймут. А вот наглядно предъявить результат никчемной связи в ее логическом и всеобъемлющем развитии – совсем и совсем другое. Федор Михайлович Достоевский такими штучками баловался. Я – не хочу. Но если придется…

Интересно, кстати, взглянуть одним глазком, чем мог завершиться для меня один переломный, но тоже нереализованный вариант моей собственной биографии. Хотя нет, лучше даже не думать в ту сторону, а то вдруг да и мне *покажут*...

Сашка, попадая, кажется, в унисон моему настроению, тоже тянул время. Вернулся к стойке, кивнул на табурет рядом со своим.

– И где мы сейчас находимся, как ты считаешь?

– Есть мнение, что в близких окрестностях Замка. Вряд ли есть смысл устраивать рандеву в Черном море или Индийском океане. Долгонько до места добираться, если договоримся…

– О чем договоримся? Я тут недавно с Дайяной пообщался, обменялись мнениями… Догадываюсь, ты хочешь предложить прямо противоположное?

Теперь спросил я:

– С какой из них?

– Хрен разберет. По ее словам – со средней, из тридцать восьмого, но проскакивают и более поздние моментики. Да что мы вокруг да около крутимся? – Голос у него чуть заметно, но дрогнул. Он плеснул в стаканы, сделал движение в сторону рта, но неожиданно прервал его, стукнул дном стакана о стойку. – Каким образом ты снова с Замком связался? Мне один персонаж тоже намекнул, что в случае чего дорога туда не закрыта. А у тебя как?

– Я в Замке не был. Антон от его имени говорил. Появился, как черт из табакерки, весьма потертый и потасканный черт, должен заметить, и предложил с тобой повидаться. Поспорили, естественно, как водится, на разные мировоззренческие темы. А потом – сюда. Без всяких астралов, тем самым способом переправил, что Воронцова когда-то. Объяснил текущий расклад и попросил, без всякого напора, заметь, несколько жалобно даже…

– Антон? Жалобно? Ну, не знаю даже, что с ним случиться должно было… – перебил меня Сашка. – Ты не ошибся случаем? Актер-то он хороший…

– Актеров я не видел! В тюряге наш дружок посидел, в *настоящей*, нам такие и не снились, вот и *поплыл*, поскольку никаких жизненных целей и внутренних опор в нем не осталось…

– Бывает, – протянул Шульгин. – А попросил о чем на этот раз?

– С тобой вот встретиться и убедить тебя завязывать с операцией. С того момента, как вы с ним последний разговор на Столешниковом имели, все пошло настолько не так и не туда, что… Одним словом, игры и игрушки кончились. Вопрос стоит просто и прямо, как телеграфный столб, – «хватай мешки, вокзал отходит». Иначе всем нам, вкупе с наштампованными реальностями, быстрый и окончательный абзац…

Сашка не слишком удивился моим словам. Опыта самого разного, рационального и мистического, поднакопил побольше моего. Не знал только заключительного этапа своей собственной, нынешней эпопеи, в ключевой точке которой мы сейчас находились.

– Так Антон ровно то же самое говорил, когда взашей выталкивал нас из Замка прошлый раз…

– Ты помнишь? – удивился я. По моим расчетам, *этот* Сашка вышел из *команды* значительно раньше, чем возникла необходимость поспешной эвакуации на «Валгалле» в иные миры и измерения. И Антон утверждал, что, кроме того, что Шульгину говорил он сам, Сильвия и Дайяна (*тридцать восьмые*), никакими иными сведениями о последующем он располагать не мог. По определению. Иначе не стоило и затевать нынешнюю акцию.

– Знаешь, так – штрих-пунктиром. Иные моменты всплывают очень ярко, будто я на самом деле был *там*, иные – будто в книжке читал или в чужом пересказе слышал, а чаще – словно воспоминания о не слишком связном, полуабсурдном сне. Единственное, что сознаю вполне отчетливо, – то, что прожито, – прожито, что жил я же, но другой – и воспоминания – не совсем мои, пусть и случилось со мной же…

Он наконец залпом выпил, не предложив поддержать.

Я искренне пытался наложить его нынешние ощущения на себя. Разумом получалось, душевно – нет. И все же…

В крайне сжатой форме я пересказал ему канву всей истории нашего Братства, все случившееся после его ухода в «автономное плавание», делая упор не столько на голые факты, как на духовно-эмоциональную составляющую деятельности его «оригинала».

– Следует понимать, что я по-прежнему сохраняю свободу воли? Сам выбираю линию поведения. Антону, как обычно, приходится просить и убеждать сделать то, что ему хочется? Я же, соответственно, могу снизойти или проигнорировать?

– Именно так. Насколько мне известно, ты уже стоял перед выбором – уйти или остаться, и не один раз. И – оставался. Из страха потерять индивидуальность, пусть и мотивировал это каждый раз более возвышенными целями и побуждениями. Не захотел вернуться из наркомов, хотя еще мы с Алексеем доказали, что сталинский вариант тупиковый в любых обстоятельствах и декорациях…

– Не я не захотел, Антон уговорил, – слабо возразил Сашка.

– Не так уж он тебя и уговаривал, тем более – сам он тогда уже находился *под контролем*, не слишком отдавал себе отчет, что впоследствии с блеском подтвердилось… Сам он попал в зону *просветления*, а ты наконец вплотную познакомился с Ловушкой. Все, что с тобой происходило с момента прорыва в астрал после встречи с «Юрием», – великолепное тому подтверждение… Вернемся в Замок – получишь возможность убедиться. Причем Ловушка тебе досталась какая-то *хитрая, нестандартная,* специально под тебя заточенная. Тебе внушала, что мир вокруг вполне реален, ты тоже настоящий и действуешь вполне свободно. На самом деле все было куда сложнее…

Главное сейчас было говорить, не останавливаясь, закручивая интригу, чтобы та часть Сашкиной личности, которая еще сохраняла автономность и, так сказать, природное здравомыслие, начала воспринимать меня как прежде, верить моим словам больше, чем наведенным иллюзиям. Дело в том, как объяснил мне Антон, а ему – Замок, Ловушка создала для Шульгина особую, индивидуальную псевдореальность, а существовать он продолжал в подлинных мирах, пусть и альтернативных. Грубо говоря, Сашка стал в определенном смысле сумасшедшим, параноиком скорее всего, и все происходящее вокруг воспринимал сквозь призму тщательно выстроенного бреда. Себя осознавал нормальным (за исключением редких моментов ремиссии), со стороны поступки его тоже выглядели вполне логичными и осознанными, моментами – на грани гениальности и даже за этой гранью. Мы с подобным до сих пор не сталкивались, если, конечно, не допустить, что каждый из нас находился в подобном состоянии с самого начала. Я, к примеру, с момента знакомства с Ириной, все остальные – по мере включения *в предложенные обстоятельства.*

Время от времени я на эту тему задумывался, но каждый раз убеждал себя и других в никчемности данной гипотезы. Строго по Лему, доказавшему, что находящийся внутри хорошо сделанного *фантомата* индивид не имеет ни малейшего шанса однозначно решить вопрос о подлинности или мнимости своего существования в ту или другую сторону.

Предыдущий раз, как вычислил Замок, момент проникновения Шульгина в астрал из московской забегаловки оказался критическим [19]. То, что он осознал себя находящимся на «Призраке», а не где-нибудь еще, было последней попыткой его *надличности* (единой для оригинала и копий) сохранить свою идентичность. Вот она и зацепилась за наиболее глубокое, *архетипичное* [20], можно сказать, воспоминание. Но не сумела удержаться, *мотивации* не хватило противостоять давлению извне.

Дальше все покатилось так, как требовалось Ловушке, помимо целей и намерений Игроков или самой Гиперсети. Только Замок (согласимся в это поверить) сумел вмешаться, организовав Шульгину еще один краткий момент *отрезвления* и вывел его на Антона.

Но все слишком заумно, не сейчас об этом рассуждать. Сейчас цель конкретна и проста – помочь Сашке захотеть остаться здесь. Соединить усилия, его и мои, чтобы разорвать силовое поле Ловушки, пока оно не стало непробиваемым.

Я говорил, говорил, перескакивая с темы на тему, как бы между прочим активизируя в Сашкином подсознании наиболее яркие и эмоционально окрашенные воспоминания *настоящей* жизни, одновременно ненавязчиво *демонтируя* систему стимулов, заставлявших его стремится к продолжению миссии наркома.

Это было не так трудно – Шульгин и сам, даже при измененном сознании, не раз задавал себе аналогичные вопросы. Человек с зачатками способностей Держателя подобен тому интеллигенту, выпившему «больше, чем мог, но меньше, чем хотел», который все же сохраняет возможность самоконтроля и осознает нынешнюю свою неадекватность.

Он выцедил остаток джина, разгрыз не успевший растаять кубик льда, размял сигарету, слегка подергивая щекой. Хороший, кстати, признак, фантомы и роботы тику не подвержены. На губах появилась знакомая усмешечка, могущая предвещать все, что угодно.

– А с чего ты взял, что я не хочу возвращаться? Так горячо меня убеждаешь, что странно становится…

Упаси бог, если сейчас в нем сработает механизм, свойственный именно параноикам, которые моментами проявляют нечеловеческую хитрость в ситуациях, когда им кажется, что их собираются обмануть или *развести*. Сталин, говорят, затеял «дело врачей», когда один из

[19] См. роман «Скорпион в янтаре».

[20] Архетип – изначальные, врожденные психические структуры, образы, мотивы, составляющие содержание индивидуального или коллективного бессознательного и лежащие в основе любых созданий фантазии, в т. ч. художественной.

них осторожно посоветовал ему, в связи с возрастом и общим состоянием, поменьше работать и побольше отдыхать. Тот же переосмыслил рекомендацию в соответствии с «установкой» и начал махать топором направо и налево. Самому министру госбезопасности Абакумову пришлось сменить лубянский кабинет на камеру в том же здании. Не проявил, мол, должной бдительности в разоблачении очередного изощренного умысла…

– Чего же странного? – ответил я как можно спокойнее. – Вижу, как обстоят дела, знаю обо всех твоих сомнениях, даже кое в чем их разделяю… Одновременно по ряду причин уверен, что иного достойного выхода у нас с тобой просто нет. Мы без тебя *вот этого* в прагматическом смысле обойтись можем и обходимся, имея полноценный оригинал. В то же время ты для меня все тот же «ты», и оставить тебя на произвол судьбы я не могу по понятным причинам. Факт наличия аналога ничего не меняет в наших с тобой отношениях… Соображаешь, о чем я? Я знаю о картинке твоей *вероятностной кончины* и даже в этом гипотетическом, слава богу, неосуществившемся варианте чувствую собственную вину. Думаю, знаешь какую.

Сейчас – еще хуже. Оставить старого друга навсегда в чужом мире, без помощи и поддержки – выше моих сил. Если бы я знал, что этого будет достаточно, просто изолировал бы тебя в каюте до прихода на базу – и все! Однако – увы. Не уверен, что поможет, если даже врежу тебе сейчас до полного нокаута. Тело останется, а ты – упорхнешь…

– И так может случиться, – кивнул Сашка, что подтверждало его сиюминутную вменяемость.

Меня внезапно озарило. Я знал, чего Шульгин боится больше всего – утраты нынешней идентичности. И я бы боялся, чего лицемерить.

– Хочешь интересный вариант? Мы совместим *того* Сашку с тобой, а не ты сольешься с ним. Фактически, твоя нынешняя память и личность просто обогатится дополнительным блоком воспоминаний… По сей момент включительно.

– А он как к потере себя отнесется?

– А мы ему не скажем, – заговорщицки подмигнул я. – Щелк – и вы снова одно, и никто ни на кого не в обиде.

Он явным образом задумался.

Антон мне гарантировал, что здесь и сейчас мы изолированы от любого внешнего воздействия. От Гиперсети по известной причине, да вдобавок дополнительным блоком от просочившихся в ноосферу ГИП и сопряженных с нею реальностей чужих мыслеформ, целенаправленных или *паразитных*.

– Пить еще будем? – спросил он меня, демонстрируя собственную адекватность и вменяемость. – Давай как тогда, в Кисловодске…

– В шестьдесят восьмом, что ли?

– Вот-вот…

Я хорошо представил себе душную ночь, едва-едва потянувший к полуночи с гор прохладный ветерок, последние аккорды и такты завершающего концерт духового оркестра в раковине у Нарзанной галереи, теплое железо крыши, на которую мы вылезли через окно мансардного номера гостиницы. Едва начатую бутылку импортного вина «Промантор» (типа портвейн), которая требовалась больше для антуража, чем по прямому назначению. Разговор, начавшийся со сравнительной оценки девушек, с которыми мы накануне познакомились, и плавно скатившийся к спору, вписались бы они в состав экипажа «Призрака», если бы их туда пригласили, или же нет…

– Давай. – Для полного правдоподобия я сделал глоток из горлышка и передал посудину Сашке. – В тот раз, сдается мне, речь шла о походе в Южную Африку?

– Под явным влиянием «Лезвия бритвы». Мы даже прикидывали, кто из них будет Сандра, а кто – Леа…

– Точно. Хорошо тогда поговорили… А что, если… – Меня осенила на первый взгляд дурацкая, на второй – гениальная идея. – Если плюнуть на все и воспроизвести…

– Как-как? – не сразу понял Сашка.

– Впрямую! Мы двадцатилетние, девушки, «Призрак» и Южная Африка… И пошло оно все прочее…

Глаза Сашки загорелись непритворным интересом.

– Слушай, эту мысль стоит *притереть по месту*…

– Так точно. Тогда мы тешились мыслью, заведомо зная, что подобное невозможно, однако юным азартом и винцом заставляя себя верить, хоть на час-другой, что сможем… Пожелаешь хоть чуть-чуть сильнее, чем обычные жалкие людишки, – и выйдет…

– Ага. И я еще сказал, что исполнение мечты – на дне этой бутылки…

Мы сделали еще по доброму глотку, дружно засмеялись, хлопая друг друга по плечам и коленям. Кажется, дело пошло.

Но он внезапно, разом помрачнел. Что вдруг не так?

– Считай, мы договорились, – медленно и словно через силу выговорил он. – При одном условии…

– Давай!

– Если вы с Антоном меня не покупаете, дурака не лепите… Хоть ты, так похожий на живого Андрея, хоть еще кто угодно… Доказательство! Мне нужно доказательство. Неубиваемое. Я пришел на «Призрак» прямо из Москвы. Из тридцать восьмого. Так?

– Ну? – осторожно согласился я.

– Там до последнего момента я знал, что я – подлинный!

– Никто и не спорит… – Я не понимал, куда он клонит.

– Так вот пусть кто-то, не важно кто, хоть Антон, хоть ты, сходит в тот самый вечер и принесет вещь, которую я спрятал. Что за вещь – не скажу. Нужно ее взять, не открывая упаковки, принести сюда. Тогда я поверю, что я человек и ты – человек. Тогда можно и в Африку. Фальшивку и подделку я сразу угадаю. Подходит мое условие?

Я был не уверен, что Антон сможет это сделать, а самое главное – ничего бы это не доказало. Как бы Сашка догадался, что доставленная ему вещь – именно та, что он имеет в виду, а не очередная иллюзия? Хотя, с другой стороны… Если бы у меня, у Антона, Игроков имелась возможность такого внушения, то мы бы ее уже использовали, не затрудняясь психологическими изысками…

Но если он такое доказательство считает убедительным, отчего не попробовать?

– Хорошо. Я попробую связаться с Антоном и сказать ему… Надеюсь, все будет, как надо…

Глава пятая

Незаметно опустилась ночь, и океан был черен абсолютно. Небо наглухо забито тучами, в воде ни малейшей фосфоресценции, даже ходовые огни яхты не отражались в волнах. Если бы не равномерный плеск рассекаемой форштевнем воды и журчание кильватерной струи, можно было бы вообразить, что мы повисли в межгалактическом пространстве.

Понятно, что навигационных спутников в здешнем мире не имелось, отчего установить свое местонахождение собственными силами мы не имели никакой возможности, ни обсервацией звезд, ни по счислению, поскольку не известна исходная точка маршрута, путевая скорость, время и курс, которым двигалась яхта, пока мы с Шульгиным вели свою полубредовую беседу.

Ветер посвистывал в снастях, все две с половиной тысячи квадратных метров дакроновой «парусины» тянули «Призрак» в неизвестность крутым бейдевиндом. Через дверь, открытую на крыло мостика, тянуло холодной соленой сыростью.

Помаргивали лампочки на пульте управления, подсвеченная зеленоватым «гнилушечным» светом, подрагивала в нактоузе картушка магнитного компаса. По сути – декоративного, но какой же парусник без компбса и массивного деревянного штурвала, оправленного надраенной медью?

Случись что с автоматикой, электрикой и прочей гидравликой, проверенные веками штуртросы, шкоты и брасы, секстан, хронометр и магнитная стрелка не подведут. Не мы первые, не мы последние, до какой-нибудь земли всегда доплывем. Даже вдвоем, хоть и помучиться придется изрядно.

Сейчас, к счастью, вопрос так не стоял.

Работал приводной радиомаяк Замка, сорокадюймовый экран изображал в цвете карту северо-западного угла Атлантики, накрытую координатной сеткой. Яркая алая звездочка обозначала наше место, зеленая тонкая линия – рекомендованный курс, розовая – истинный. По нижней кромке дисплея высвечивались все потребные навигатору данные: показания лага, лота, скорость и направление ветра и тому подобное. До места оставалось меньше ста миль. Шесть часов под парусами при теперешнем ветре или три – на движках крейсерским ходом. Ветер практически попутный, не требующий никаких чрезвычайных усилий вроде частой смены галсов, а уж тем более поворотов оверштаг или через фордевинд, что на трехмачтовой гафельной шхуне выполнять далеко не просто даже с полным экипажем.

Милое дело штурманить на таком корабле, особенно когда в наличии комплект именно для службы на «Призраке» запрограммированных биороботов. Сейчас их отчего-то не видно, может быть, специально отключены и заперты под полубаком, чтобы не нарушали торжественность момента.

Слева от командирского пульта, ближе к корме размещался «штурманский стол», так это называется, на самом деле – небольшая выгородка по типу отсека общего вагона, где в настенных шкафчиках располагались карты, атласы, лоции, справочники всякого рода, инструменты для ручной прокладки курса и прочие приспособления, в том числе и весьма раритетные. Опять-таки в память о тех временах, когда мы, «проектировщики», понятия не имели о достижениях будущей интеллектроники и высшим проявлением технической мысли почитали механический курсограф, сопряженный с гирокомпасом.

Там же имелся отдельный щит с тумблерами и кнопками, дублирующими, а то и блокирующими основные цепи управления. А также и секретный, недоступный для роботов блок управления ими же. На всякий случай. «Три закона роботехники» – хорошо, а бдительность – лучше.

Но сейчас мне было нужно не это. Я по памяти нашел кнопку магнитофона, и рубка наполнилась звуками увертюры к фильму «Дети капитана Гранта» Дунаевского, которую мы в свое время определили в качестве гимна нашего «Призрака». Волнующая, должен сказать, музыка. Романтическая и духоподъемная. Сашке должна прийтись в самый раз.

– Слушай, а правда здорово, – сказал он, шагнув из рубки на крыло мостика, полной грудью вдохнув соленый ветер.

– А я о чем?

Свистит пассат, как флейта в такелаже,
Гудит, как контрабас в надутых парусах,
И облаков янтарные плюмажи
Мелькают по луне и тают в небесах.
Чуть-чуть кренясь, скользит, как привиденье,
Красавец клипер, залитый луной,
И взрезанных пучин сварливое шипенье,
Смирясь, сливается с ночною тишиной.
Вертится лаг, считая жадно мили,
Под скрытой в тьме рукой скрипит слегка штурвал.
Чу! Мелодично склянки прозвонили,
И голос с бака что-то прокричал…

– Но это – сон, – тут же продолжил Шульгин, – волны веселой пену давным-давно не режут клипера, и парусам давно несут на смену дым тысяч труб соленые ветра…

Помолчал и закончил стих старого капитана:

Но отчего ж, забывшись сном в каюте,
Под шум поршней и мерный стук винта,
Я вижу вновь себя среди снастей на юте,
И к милым парусам несет меня мечта… [21].

Кажется, лечебный процесс протекает «ин леге артис» [22].

– Как ты думаешь, – тут же спросил Сашка, – мы из Ловушки выскочили? Как-то мне вдруг так полегчало…

– Раз мы вдвоем, на «Призраке», идем в базу, пьем джин и цитируем текст, который, клянусь, никто на этом свете, кроме Левашова, наизусть не помнит, с осторожностью можно предположить…

– Тогда сделай то, о чем договорились. Пока *этого* нет, я продолжу упражнения с джином и сохраню свой природный пессимизм…

– Сколько угодно, – с плохо скрытой радостью воскликнул я. Джина и прочих изысканных напитков только в баре кают-компании было запасено из расчета двухмесячной автономки. Правда, когда я описывал комплектацию яхты, наличия у членов экипажа гомеостатов не предполагалось. С их помощью весь ассортимент мог быть употреблен за неделю, без всяких вредных последствий. В виду имелись нормальные человеческие потребности и возможности при условии тяжелой физической работы и вахт «четыре часа через восемь».

[21] Стихи Д. Лухманова.

[22] »По всем правилам искусства» *(лат.)*.

Но если сейчас Шульгин подавит высшие функции своего головного мозга, то станет невосприимчив к постороннему воздействию. Чего мне и нужно. Даст бог, успею довести яхту до гавани, а там уж как-нибудь…

Он продиктовал мне временны#е и пространственные координаты места, где спрятал *артефакт*, после чего развалился в моем штурманском кресле и начал крутить верньер магнитофонного поисковика. Я пытался угадать, что именно ему требуется, но не сумел. Думал, он хочет услышать «Маленький цветок» или «Серебряную гитару» с оборота той же пластинки – «сорокапятки». Сашка же отыскал совсем уже всеми забытую мелодию «Не уходи», которую я последний раз слушал на открытой площадке третьего этажа ныне не существующего кафе «Юность» в Пятигорске. Больше полужизни назад.

Томительная, ностальгическая, разрывающая душу, если помнишь, с чем она связана, музыка. Ночь, переломная между июлем и августом, яркий фонарь на венчающей вершину Машука телевизионной башне. Шампанское, апельсины и кофе на столике, две милые девушки, с которыми прощаемся навсегда (тогда об этом не говорилось вслух, но подсознательно все это понимали). И эта польская мелодия, которую вдруг вздумал исполнить оркестрик подшабашивающих студентов музыкального училища. А на той веранде, кроме нас четверых, никого и не было. Неужели так четко ребята просекли ситуацию и решили… Сделать приятное? Или наоборот, предостеречь? Кто теперь скажет? Помню только, что я совсем затосковал, у подруги, сидевшей напротив, навернулись слезы на глаза, а Сашка твердым, отработанным юлбриннеровским шагом прошел к эстраде и положил на рампу все, что у нас оставалось, – два желтых, «хрущевских» рубля. Могло бы хватить еще на бутылку «Розового шипучего». Компот, конечно, девятиградусный газированный, но тогда ж смысл был не в градусах, а в процессе…

Сашка погрузился в глубину давних эмоций, а я вышел на связь с Антоном. Получилось, хоть были определенные сомнения: все же слишком сложен путь сигнала из доисторического безвременья к нам в двадцать пятый.

Антон коротал время, рассматривая в установленную на штативе у края веранды мощную стереотрубу скользящие вблизи горизонта прогулочные яхты. Пользуясь чудесной погодой, местный бомонд едва ли не в полном составе отправился подышать морским воздухом. Дамы, за три года нашей цивилизаторской деятельности утратившие инстинктивный страх перед оголением своих прелестей и отважно щеголявшие в разноцветных бикини. Мужчины в плавках. Научили мы их загорать, что до мировой войны никому из «приличных людей» и в голову не приходило.

Ирины рядом с ним не было, да это и к лучшему.

Я сообщил Антону условие, поставленное Шульгиным.

– Настроен он категорически, никаких отговорок не примет. Так что придется тебе…

Я не знал, нужно ли Антону предварительно совмещаться с самим собой, пребывающем относительно текущего момента в далеком, *недооформленном* будущем, или он сможет попасть, куда надо, прямо отсюда.

Да какая мне разница, как именно он выйдет из положения, лишь бы такая операция вообще оказалась возможной. Для него ведь тоже соотношение времен начало меняться, исходя из смысла наладившихся у нас с Сашкой отношений.

– Дел-то – перескочить на десять минут в столицу, в глухой проходной двор, никак себя не проявляя, избегая контактов даже с запоздавшим случайным прохожим. Риск минимальный. – Мы с ним как бы поменялись ролями, и теперь я убеждал его в легкости и безопасности задания. – По Сашкиным словам, он там, пока устраивал свою *закладку*, никого не

встретил. Да и то, тридцатые годы – не нэповские двадцатые и не веселые шестидесятые. Тогда народ зря по улицам не бродил «в поисках приключений». Нужно будет – они сами тебя найдут. Да такие – не обрадуешься. А пока не нашли – побыстрее домой – и в койку, до неумолимо скорого подъема на работу. Проспишь – тюрьма [23].

Против ожиданий, форзейль к моему поручению отнесся спокойно.

– Сделаю, конечно. Консервная банка, говоришь? Шестой сверху ряд в колодце? Найду, если есть…

Странно все это было по-прежнему. Невзирая на минувшие годы – странно. К такому не привыкают, такое принимают как данность, пока нравственного здоровья хватает. Яхта сейчас бороздила простор океана в веке, приблизительно, восьмом-девятом. Когда по морям плавать финикийцы и греки давно перестали, а викинги еще не научились. На суше индейские племена предпочитали кочевать в глубине континента, холодное, неуютное побережье их не привлекало. Не Полинезия, чай, на солнышке не поваляешься и серфинг изобретать не станешь.

При этом я говорил, удерживая канал связи, с человекоподобным существом, собирающимся проникнуть в место, расположенное на тысячу лет позже от меня и тринадцать от него, строго говоря – «нигде». Найти там вещь, которая, фактически, не существует в принципе. По той простой причине, что в том мире еще (или уже) не существует как факт или биологический объект человек, туда ее положивший.

И одновременно все происходит именно так, как происходит. Потому что – законы природы…

…Ситуация, если вдуматься как следует, образовалась более чем сложная. Имела место закольцованная, хотя и не до конца, псевдореальность совершенно особого типа. Мы с Сашкой сейчас находились в рубке «Призрака» и одновременно относительно всего прочего – тоже нигде. Мало того, что Замок как архитектурный объект существовал в глубоком прошлом ГИП, он в то же «время» взаимодействовал с тридцать восьмым годом в той его точке, которая одновременно являлась истинной и мнимой. Значит, в определенном смысле и сам он был воплощением некоего дуализма – не то волна, не то частица, одно и другое одновременно или, с той же степенью достоверности, – не то и не другое. Абстракция, присутствующая лишь в сознании неких индивидуумов, которые, в свою очередь, могут функционировать только по причине наличия этой самой абстракции.

Вот как закручено. Куда там самым крутым солипсистам и неокантианцам, труды которых я изучал по курсу «Критика современных буржуазных философский теорий». К дзен-буддизму наш вариант ближе будет. «Философ, которому снится, что он бабочка, которой снится, что она философ».

Если попытаться рассмотреть наш случай пошагово, с позиций самой обычной логики, получается вот что.

1. В феврале 1938 года Шульгин-Шестаков существовал реально, в «вещном мире», работая по испанской теме. Этот мир, вполне возможно, принадлежал к Главной исторической последовательности, продолжавшей развиваться независимо от факта возникновения Югороссии и случившихся после того событий.

2. Он же в нематериальном качестве взаимодействовал с Гиперсетью на нескольких уровнях, причем, руководимый «кем-то» или «чем-то», сумел извлечь «откуда-то» форзейля Антона, существо безусловно материальное, но пребывавшее в иных измерениях с иным

[23] За прогул и даже опоздание на работу полагалось до 5 лет заключения или ссылка, как кому повезет.

ходом времени по отношению к ГИП. В чем, возможно, и заключался главный смысл ситуации.

3. Физические Антон и Шульгин вступили в контакт с «духом Замка», реально существующем в виде какой-то волновой структуры, имеющей возможность осуществлять целенаправленные действия в отношении материальных объектов. Здесь можно приравнять названный «дух» к подобию того, что принято называть «богом», но не обладающего всемогуществом и всеведением в терминах христианской теологии. Скорее его можно сравнить с античными богами.

4. Указанный «дух» обеспечил Шульгину возвращение в его «телесную оболочку», но – не окончательно, поскольку где-то имелся Шульгин-исходный и совмещения этих ипостасей пока еще не произошло, так как очередная точка бифуркации (сцена на «Призраке») по каким-то причинам не зафиксировалась. Целенаправленно, в результате сбоя в Сети или влияния Ловушки. То есть все, что случилось после возвращения Шульгина в реальность-38, не может рассматриваться как факт, а только в виде гипотетической конструкции. Аналогично тому, как в случае «растянутого настоящего» ни одно событие не является таковым до завершения «процесса». Следовательно – не является безусловным факт контакта ГИП-реальности с миром дуггуров. Несмотря на то что некоторое количество оных было взято в плен и передано в распоряжение Замка «для опытов».

5. Единственный способ возвращения статус-кво, фиксации ГИП, предотвращения грядущей тотальной войны между миром людей и дуггуров, найденный Замком, – изъятие Шульгина из точки бифуркации (кают-компании «Призрака»), что, образно выражаясь, навеки инкапсулирует реальность-38, превратит ее в «несостоявшийся вариант». Механик остановил демонстрацию фильма, вложил его в коробку и отправил в «спецхран» до лучших времен или – навсегда.

6. В данный момент реальность-38 пока еще существует, ибо внутри ее находятся Антон, Сильвия, Лихарев – личности вполне материальные и многими нитями связанные с ГИП. Их задача – до последней возможности «держать оборону плацдарма». Если у меня не выйдет «изъять Сашку из сюжета» – защищать Землю от вторжения дуггуров, пока Замок не придумает еще какой-нибудь способ спасения.

7. Задача Замка и всех нас осложняется тем, что Шульгин надежно, скорее всего – необратимо отключил ГИП от Гиперсети. Мы больше не подвержены ее влиянию, но зато и сами лишились возможности использовать ее для устранения дуггурской опасности.

Из всего вышесказанного с очевидностью следует – именно я сейчас оказался в положении циркача, пытающегося на глазах восхищенного зала удержать на кончике носа бамбуковый шест с водруженным на нем фарфоровым сервизом. А вся мировая история – как раз этот самый сервиз. Либо – «Оп ля!» и гром аплодисментов, либо – грохот бьющегося фарфора и мелкие дребезги по всей арене…

Может, и отобьемся, конечно, от порождений очень чуждого мира, а может, и нет, если даже Замок понятия не имеет об их боевых возможностях и о том, кто ими руководит и направляет.

А помочь мне удержать шест может только Антон. Не принесет он «то, не знаю что», и Сашка, вполне возможно, ускользнет. Не туда, куда ушел с «Призрака» прошлый раз, совсем в другое место. Не пройдет подземным лабиринтом, не выручит Антона, не встретятся они с духом Замка…

В книжке «Смерть Вазир-Мухтара» Тынянов написал, а после него Пикуль неоднократно в своих романах повторил роковую фразу: «Еще ничего не было решено».

Так и на самом деле…

В то же время странным было и положение Антона. В любом месте, кроме нашего с Ириной дома, он сейчас будет существовать фактически, но как бы и «понарошку». И да и нет. Не случись изобретенная Замком схема выхода из «дурной бесконечности», они бы сейчас с Шульгиным, получившим искусственное, но никак не отличимое от настоящего тело, были бы вполне материальными субъектами реальности-38, со всеми вытекающими последствиями. Готовили на даче Сталина план отражения близкого и неизбежного вторжения дуггуров. Но там время тоже пока *стояло*, как в дни нашего первого появления в Замке, или *остановилось* в октябре 1941 года.

Это достаточно сложно объяснить, но суть процесса была именно такова. Незафиксированные на ГИП реальности до поры до времени оставались по теории Канта «вещью в себе», и требовались определенные целенаправленные действия или стечение обстоятельств, чтобы они приобрели полноценный вид. Вот наши двадцатые или мир Ростокина уже были *настоящими*, хотя 2056-й – с некоторыми оговорками. Тот 2005-й, где я встретил старых приятелей, тоже выглядел достаточно убедительно, хотя условием его существования был пространственно-временнyй парадокс, который все еще длился…

А *теперешний* тридцать восьмой, именно потому, что Замок решил переиграть сюжет, таковым не был. И тот Шульгин, с которым Антон явился в Лондон к Сильвии, тоже сейчас не являлся полноценной личностью. Форзейль же, леди Спенсер и ее помощник – являлись. И находились в положении живых актеров, проговаривающих написанные для них реплики в окружении фанерных и картонных декораций, но в меру своего таланта и законов жанра вызывающих у зрителей эмоции, даже превосходящие естественные по качеству и степени воздействия. Но только до тех пор, пока не упадет занавес.

Все названные персонажи продолжали восседать в гостиной Сильвии за поздним ужином и только что закончили расписывать диспозицию предстоящих действий. Лихарев выразил желание вернуться в Москву, встретиться с бывшим, дореволюционным еще координатором, своим предшественником, и поднять войска московского гарнизона для защиты дачи Сталина и его самого от возможного вторжения дуггуров. Непосредственного, по барселонскому типу, или оформленного как-то иначе. Остальные должны были немедленно переместиться на кунцевскую дачу, где хранились тела убитых монстров.

А вот Антон, получается, находился одновременно и *там*, и в Крыму? Или *там* его теперь не было? Время остановлено, вернее – приостановлено, и он полностью *здесь*. И мы с ним нормально общаемся.

Хорошо, что рядом нет Ирины. Кто знает, вдруг, вмешавшись в наш разговор, она непроизвольно нарушит длящуюся паузу «ничего посередине нигде». Сказано же было, что любое непредусмотренное, вообще не совпадающее с уже случившимся действие могло сломать хрупкое равновесие.

– А как остальное происходит? Шульгин нормально выглядит? Никаких у тебя сомнений? – Антона, похоже, волновали те же мысли, что и меня. Не фантом ли на самом деле Сашка, подсунутый нам именно дуггурами или преследующим собственные, непостижимые цели Замком?

– Насколько я его *чувствую* – настоящий, только капитально выбитый из колеи. На грани срыва. Да, вот именно так. Или – или! Ирине, кстати, скажи, что дело практически сделано. Пусть не переживает, если тебе сейчас отлучиться придется. Со мной согласовано.

– Она сама говорить хочет…

Ну, вот еще забота.

Ирина показалась из-за левой рамки «окна», уже должным образом одетая, причесанная, подкрашенная. Спокойная.

– У тебя действительно все в порядке? Разрешаешь Антону уйти?

– Да, Ира, да. Антону нужно принести из *той* Москвы одну вещицу, иначе Сашка просто не поверит, а тогда – сама понимаешь. Я же в полной норме. Сижу, как видишь, в рубке и наслаждаюсь океаническими красотами. Чем быстрее Антон обернется, тем лучше…

– Мне очень хочется перешагнуть сейчас к тебе. Может быть, уже можно? Сам ведь сказал, что с Шульгиным ты фактически договорился. Антон принесет, что нужно, и мое присутствие Александра еще больше подбодрит…

– Я бы твое прибытие только приветствовал. Но лучше все-таки после Антона. Доходит? Все настолько на грани… Лишнее слово, лишний жест могут сорвать лавину. Кто знает, какие настроения в нем твое появление пробудит? Потерпи совсем немного. Христос терпел и нам велел… Пока собирайся в дорогу, если что, я тебе из Замка проход открою, когда мы туда доберемся. А сейчас я с Антоном договорю…

Ирина исчезла из кадра. На шаг отошла или поднялась в комнаты, мне из рубки видно не было.

С форзейлем я поделился частью своих размышлений по поводу текущих событий. В частности, меня интересовал очередной парадокс, вернее, то, что мне таковым представлялось, а именно – судьба Валентина Лихарева. Сбежав из своего времени в две тысячи пятый, там он не сохранил никаких воспоминаний о событиях, участником которых является сейчас. Следует ли из этого вывод, что наша миссия заведомо завершилась успешно и развилка пройдена?

– Забавный вопрос, – тонко улыбнулся Антон. – Жаль только, ответить на него я не в состоянии. Теоретик из меня никакой. Формально выглядит именно так. Шульгин, встретившись с тобой, уже принял решение, повлияв тем самым на свое и наше будущее. И мне теперь можно никуда не ходить и ничего не приносить. Заманчиво. На самом же деле в нашем положении надежнее будет предположить, что *мгновенье продолжает длиться*. Один неверный шаг, и уже у всех нас исчезнут воспоминания о встрече с Лихаревым, как и многие другие… Вот тогда нас, охваченных амнезией, можно будет брать голыми руками. Так что давай все-таки сделаем, как Александр просит.

Что ж, в логике, если здесь вообще стоит употреблять этот термин, ему не откажешь.

– Второй вопрос, – продолжил я, – ты собираешься снова заскочить к Сильвии в Лондон или сразу в Москву?

– Это имеет значение?

– Не знаю. Просто в голову пришло. Мне показалось, если у тебя что-нибудь сорвется или пойдет не так, Лихарева нужно предупредить. Он ведь не строевой командир, только в придворных интригах натаскан, никак не в кризисном управлении войсками. И Сталин пока что военного опыта не имеет, кроме легендарной Царицынской операции, да и то его роль в ней сильно преувеличена. А я все ж таки полгода вместе с Берестиным большой войной руководил. Ты ему вот что скажи…

– Зачем? Если сорвется, на ту реальность останется только махнуть рукой.

– Не согласен. Противника лучше связать боем на самом отдаленном плацдарме. Просто так наши не сдадутся, сражаться в любом случае будут. А мы здесь успеем подготовиться, изучить стратегию и тактику врага, его боевые возможности. В том числе анатомию с физиологией…

– Резонно.

Глава шестая

Ирина, поговорив со мной, некоторое время размышляла, куря уже третью за это раннее утро сигарету, чего обычно себе не позволяла.

– Знаешь, коллега, – сказала она Антону, поправляя совсем не нуждающуюся в этом прическу – просто рефлекторный жест. – Еще раз скажу: если Андрей не вернется, мне терять нечего…

Антон не то чтобы напуганный, но несколько выведенный из себя угрозой Ирины (аггрианка, если бы пришла в боевое неистовство, как истинная Валькирия (баба-берсерк), вполне могла устроить то, что обещала, не заботясь о последствиях), решил поскорее откланяться.

Начал, натянуто улыбаясь, прощаться, сказал, что, безусловно, все договоренности остаются в силе и он готов добровольно, по первому слову явиться на расправу. Как человек чести.

– Первый выстрел, безусловно, за тобой. На шести шагах, если желаешь…

– Да я и на ста тебе в лоб попаду, из трехлинейки… – мило улыбнулась Ирина, и сомневаться, что так оно и будет, не стоило.

– А сейчас подожди минутку…

Она ушла в комнату, и тотчас же вернулась, неся в руке пресловутый золотой портсигар. Но не свой, с другой эмблемой на крышке, отобранный у Дайяны в последней стычке. Она его подрегулировала определенным способом и вручала Антону без опаски. Если потребуется, нейтрализует на любом расстоянии или банальным образом взорвет, приведя свою угрозу в исполнение. Попусту болтать Ирина не любила. Обещала – выполняй. Вместе с тем и формулу «умеешь считать до десяти, остановись на семи» никто не отменял. В разных вариациях у любых мыслящих существ такая идея должна присутствовать в базовой идеологии. Иначе – никак!

– Возьми. Если вдруг возникнут затруднения – может пригодиться. У тебя своего *настоящего* оружия нет? Ведь правда?

Антон кивнул. Все она знает.

– И я о том же. Оружия нет, одни *методики*, а здесь есть кое-что такое, к чему *враг* точно не готов. Зря *вы* недооценивали *нас*…

– О чем говоришь! До конца воевали с полным взаимным уважением.

Ирина сделал отстраняющий жест. Не о том, мол, речь.

– Смотри внимательно. Я тебе такие настройки покажу…

Этот подарок окончательно убедил Антона (инстинктивно он все время их знакомства аггрианке-перебежчице до конца не верил), что Ирину опасаться не следует и что находятся они в совершенно материальном мире, вне воздействия любых Ловушек. Блок-универсалы, по природному свойству, с Гиперсетью не совмещались, как порох с огнем.

Он испытал острый прилив благодарности, не только за доверенное оружие – вообще. После пережитого открытость и благородство друзей-партнеров восхищала его куда сильнее, чем прежде. На фоне бесчувственной жестокости соотечественников…

Перепрыгнув из Крыма в Лондон-38, Антон сообщил Сильвии и Шульгину, что в связи с некоторыми обстоятельствами им придется несколько подзадержаться здесь. Ненадолго, что, впрочем, никакого значения для общей задачи не имеет. Все равно все окажутся в нужное время в нужном месте.

– А вы, Валентин, действуйте, как договорились. Только я вот что вспомнил – откуда у вас в Москве танковая дивизия? Нет ее там. Ближайшая – за сто километров и разбро-

сана полками по нескольким точкам. За полсуток дойти не успеет, разве только передовыми отрядами. Да и то если приказ поступит с самого верха, минуя инстанции. Значит, сначала Иосифа Виссарионовича нужно убедить. Хотя, надеюсь, сделать это будет несложно, он и так в подходящем настрое. К тому же я скажу вам одну формулу, произнесете в нужный момент. Должно повлиять на товарища Сталина в желательном направлении.

Лихарев досадливо поморщился: не любил он, когда начинают вмешиваться в вопросы его компетенции, тем более – столь сомнительные личности, пусть и приходится им быть сейчас союзниками.

– Дивизия Дзержинского в городе расквартирована, с нее начну. Училище имени ВЦИК прямо в Кремле, полторы тысячи человек за полчаса в ружье поставлю…

– Хорошо, допустим. Дивизия есть дивизия. Танковый батальон у них есть и артиллерийский полк. Восемь тысяч личного состава, кажется? Хорошая сила. По моим представлениям, смогут подойти к даче через два часа. Двадцать минут на подъем по тревоге, час на сборы, полчаса марша. Я правильно считаю?

Лихарев мельком удивился профессионализму гражданина, в истинной принадлежности которого он уже запутался. То он Шульгин, то форзейлианский резидент, а на самом деле кто – без бутылки не разберешься. Но в военных делах и дислокации частей МВО разбирался досконально.

– Главное, паники там не устраивайте. Замотивируйте поаккуратнее. Наркому обороны сошлитесь на личный приказ Сталина, а уж он пусть подает комдивам как угодно. Внеплановая проверка мобготовности, окружные учения с боевой стрельбой или внезапный мятеж Белорусского округа – сейчас все равно. Полки выдвигайте по разным дорогам, бронечасти прямо к даче, но не ближе трех, скажем, километров, для обеспечения свободы маневра. Пехоту веером, побатальонно, с севера на юг, с расчетом создания двойного кольца окружения, внешнее фронтом наружу, внутреннее, естественно, внутрь. Шоссе и проселочные дороги перекройте на дальних подходах, и с востока, и с запада. Командный пункт разместите в Филях, стрелковый полк и роту-другую бронеавтомобилей – в личный резерв…

Антон за руку увлек Лихарева к дальнему окну. Пришедшая голову мысль вытекала из того, что он успел понять после связи со мной и Замком. Очень может быть, что им с Валентином не придется больше увидеться в нынешнем качестве, а то и вообще. И тому придется возглавить полномасштабную войну с дуггурами на всей советской территории и за ее пределами.

– Слушай меня внимательно. Положение настолько поганое… Что с нами всеми через полчаса будет, не готов угадать. Как бы не пришлось тебе в Главкомы выскочить. Всякое случалось. Так вот, если… Пехота, танки – это хорошо, кто спорит. Только война может случиться совсем нетрадиционная. Я тебе советую… В округе сейчас две кавдивизии имеются. Вот их тоже экстренным порядком поднимай и добейся у Сталина передачи их в твое личное подчинение. Пусть с полным боевым снаряжением, как для глубокого рейда по вражеским тылам, выдвигаются, ну хоть в район Битцева, лесными дорогами…

Поначалу эта идея показалась Лихареву совершенно неуместной, если не откровенно бредовой. Что такое кавдивизия, пусть и штатного состава? Три полка по шесть сабельных эскадронов и по одному пулеметному, шесть батарей трехдюймовок на конной тяге. Едва три тысячи человек, слабо вооруженных. И посаженных на животных, которым нужно много корма, воды, постоянный уход, подковы, масса других специфических условий, несовместимых с той войной, которую, может быть, придется вести.

Так он и сказал, добавив, что если исходить из случившегося в Барселоне… Тут бы лучше на Таорэру выскочить, вдруг да удастся найти на Базе гравиконцентраторы в рабочем состоянии…

– Попробуй, если сумеешь, я же не против. А если из нашей текущей обстановки исходить… Прими во внимание, что за обе мировых войны, не считая Гражданской, только кавалерийские части и соединения ни разу не были разгромлены «в ноль». Гвардейские, пехотные и танковые, неоднократно теряли свой состав полностью, бывало, что и знамена, а кавалерийские – из любых сражений, окружений и прочего выходили хоть и потрепанные, но всегда боеспособные. Не было ни одного, подчеркиваю, случая, чтобы кавдивизия была расформирована по причине катастрофических потерь личного состава или полностью сгорела в боях. Тут дело не столько в материальной оснащенности, как в особенностях тактики и психологии…

Но это все теория, пока сам не убедишься, можешь не верить, что в здешних лесах и оврагах кавалерия сможет разобраться с гориллоподобными монстрами лучше, чем путающаяся в полах своих шинелей пехота или застревающие в любой канаве танки. Вообще лошадь плюс человек – это совсем особая боевая единица, в психологическом плане…

Антон увидел – Лихарев заметно помрачнел, что и неудивительно. Тяжесть на него сваливается неимоверная, к такой он не готовился. За десять с лишним лет научился виртуозно ориентироваться в коридорах власти, конструировать свои и распутывать чужие интриги, но не руководить крупномасштабными и физически опасными предприятиями. Большая часть жизни протекала у него в закрытых помещениях, в треугольнике Кремль – Старая площадь [24] – Ближняя дача. Он забыл уже, когда по собственной инициативе выбирался за пределы Москвы, разве что сопровождая вождя в отпуск или все более редкие выезды «на места».

– Да ты особенно не напрягайся. Все мои советы только на тот случай, если я не вернусь. Это маловероятно, однако… Постараюсь за час управиться, так что тебе, глядишь, вообще ничего делать не придется.

– Прошу прощения, я чего-то не понял? По известным причинам вы должны возвратиться к нам максимум через одну-две минуты. Так что при чем здесь час, год, столетие? Живите там хоть сто двадцать лет. А я после вашего ухода рюмку выпью, папироску выкурю и могу считать, что вы, не появившись, тем самым исчезли навсегда и мы абсолютно вольны в своих дальнейших действиях?

– Умозрительно получается именно так. Но опыт подсказывает, что на практике случается по-разному. Сбои всякие, вмешательство неучтенных факторов, включая хрономагнитную бурю, чью-то некомпетентность или злую волю. Я свободно могу не попасть к вам тик-в-тик. Оставляю себе запасец. Скажем, вы ждете до утра по этим часам, – указал он на массивный напольный агрегат девятнадцатого века, отсчитывавший именно внутреннее время особняка. – После чего – действуйте по моему или собственному плану. Когда и где придется встретиться следующий раз… – Антон развел руками. – Живы будем – свидимся.

В гостевой комнате форзейль переоделся в подходящую для вылазки в Москву одежду. Бобриковое полупальто, почти непременные для ответственных работников любого ранга галифе и сапоги, «финскую» шапку с козырьком. Проверил, есть ли патрон в стволе пистолета.

Ну, с богом!

Антон не зря затеял с Лихаревым «прощальный» разговор. Он на самом деле не полностью представлял всех ближайших и отдаленных последствий проводимой акции.

Люди в доме Сильвии находились, как сказано, в зоне «нулевого времени». И могли там пребывать сколь угодно долго, не беспокоясь о том, что без них что-то может случиться во «внешнем мире». Однако, стоит любому из них выбраться наружу, время начнет двигаться в

[24] Старая площадь – место расположения комплекса зданий ЦК ВКП(б).

обычном ритме, унося их, как течение щепку от островка, где оставался особняк леди Спенсер. Вернуться обратно будет так же невозможно, как подняться по горной реке на лодке без мотора. Дело не только в непреодолимости *давления времени*, сам факт возвращения в исходную точку будет означать «отмену» уже совершенных действий, то есть создание очередной новой микрореальности, которая непременно и стремительно начнет расширяться, как трещина в плотине.

Эти теоретические построения в свое время мы подробно разбирали с Берестиным, Ириной, Левашовым. Антон не мог не знать азов хронофизики и, значит, на самом деле возвращаться не собирался? Именно так. Если его миссия завершится успешно, делать в доме Сильвии и в реальности, приговоренной к *консервации,* ему совершенно нечего. Но он все же допускал вероятность неудачи, пусть и не хотел в это верить. Скажем, не окажется на месте шульгинской закладки, по какой угодно причине. Тогда придется вернуться, чтобы с исходной позиции, посоветовавшись с Замком, предпринять вторую попытку.

Но такое возможно только в том случае, если в Москве с ним не случится какого-нибудь *значимого* события. Если же оно произойдет, останется одно – возвращаться в Крым, к Ирине, предоставив реальность-38 собственной участи.

Думать о неудаче, еще не приступив к работе, – последнее дело, и он выбросил контрпродуктивные мысли из головы. Верно сказал некий германский полководец: «Как ты можешь утверждать, что приказ невыполним, до тех пор, пока не сделал все, что в твоих силах, чтобы его выполнить?»

Внутри любой реальности, не исключая и эту, Антон перемещался не создаваемым установкой СПВ каналом, а собственным способом, напоминающим перенос материального тела через эфирные сферы *тонкого мира* по баллистической траектории. Этим он создавал ощутимое возмущение пространственно-временного континуума, которое дуггуры, если располагают подходящей аппаратурой, вполне могли засечь, как вспышку молнии, след стартовавшей ракеты или круги на воде от брошенного в пруд камня. А могли и прозевать. Как повезет.

Снова в Москве была ночь. Несколько раньше того момента, когда Шульгин после встречи с Антоном забрал из тайника изъятый у бывшего резидента Юрия гомеостат. После чего прибор остался на руке его тела, переданного во временное пользование Антону (какому-то). И, по нормальной логике, должен был и сейчас находиться там же, на левом запястье, но его не было, потому что фактически еще не случилось ничего, следующего по времени после появления Шульгина, а вслед за ним и Новикова на «Призраке». Если и случилось, то не там. Опять «вилка», не столовая, а шахматная.

Мир вокруг был не тот, что прошлый раз. Москва, но какая-то другая. Это ощущалось не разумом, а как бы кожей или иными сверхчувственными способами. Да и Антон был не тот, *еще не случившийся*. Ему бы сейчас полагалось сидеть в лондонском особняке Сильвии, позже этого момента, и думать о том, что будет **до**.

Так бывает во сне, когда все якобы правильно, но даже внутри его понятно, что на самом деле это не явь.

Антон в своих делах был профессионалом высокого градуса [25]. Но до кандидата в Держатели, как ранее отмечалось, недотягивал. Иначе черта с два его сумели бы поймать свои **дээсники**. Мне хватило времени, слушая Антона, составить собственный план, импровизированный, авантюрный и тем не менее в должной мере подкрепленный способностью

[25] Имеются в виду не температурные и не водочные градусы, а степени посвящения в масонском сообществе.

создать нужную мыслеформу. Локальную, одноразового действия, как фаустпатрон, но, по всем прикидкам, вполне работоспособную.

Как только он исчез с веранды, мы с Ириной начали работать согласованно, синхронно и синфазно, будто и не разделяла нас бездна пространств и времен. Я на борту «Призрака» тоже на полную мощность врубил функцию «растянутого настоящего». Ирина, прощаясь, сунула мне в ладонь свой портсигар, подлинный, с некоторыми тонкими настройками, сделанными Левашовым. Да еще и «фишка» Антона у меня была. А уж каким образом очередные вмешательства повлияют на тонкие, толстые и среднего качества временные ткани – сейчас рассуждать без толку. Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец!

Я решил убедиться, честно ли станет играть Антон или снова *варианты* подсовывать? Если первое – невредно подстраховать парня. Потому как – что он один сможет, если его отслеживают дуггуры, обладающие будто бы невероятной мощи психолокацией и умением создавать защитные поля, которые только лишенный тонкой душевной организации чекист сумел пробить? Убедительнейшее подтверждение расхожей присказки насчет отсутствия приемов против лома.

Опять же, «Единица – ноль, единица – вздор, один, даже если очень важный, не поднимет простое пятивершковое бревно, тем более – дом пятиэтажный!» – и так далее, вспоминая Маяковского.

А если Антон *темнит*, так лучше всего убедиться в сей истине немедленно и действовать сообразно «вновь открывшимся обстоятельствам».

У себя в Гурзуфе Ирина через личный терминал СПВ разыскала Левашова, Берестина и Басманова. Каждого по отдельности ввела в курс дела и объяснила, чего от них хочет.

Не более чем на сутки отставить самые неотложные дела, потому что теперь не абстрактные, возвышенно-галактические интересы на кону, а ее собственные. И жизнь Новикова с Шульгиным.

– Я ничего наверняка не знаю, ребята, но чувствую, что крайний случай. Сама я в любом случае пойду, но с вами будет легче…

Прием, в общем-то, чересчур мелодраматический, зато полностью исключающий необходимость рациональных доводов. Ирина знала, что делала.

Алексей, оторванный ею от приятного отдыха на диване, с книгой в руке, сказал только:

– Предупреждать надо. Звонком будильника или еще чем, а то мало ли… Ладно, сейчас буду.

Басманов, напротив, занимался в 2005 году разбором темы «Философия и тактика уличных боев в городе» со слушателями Академии Генерального штаба, где он по просьбе лично Олега Константиновича вел курс оперативного искусства. На сравнительных примерах Екатеринослава, Одессы, Стамбула двадцать первого года и недавних событий в Москве.

– Переходите ко мне прямо сейчас, Михаил Федорович, – попросила она, – здесь экипируемся, свяжемся с Андреем – и вперед!

– Так точно, Ирина Владимировна. Минут двадцать мне дайте, чтобы я поаккуратнее закончил семинар, извинился за внезапную отлучку и покинул здание? И еще столько же, чтобы я успел взять с собой двух-трех офицеров, наилучшим образом приспособившихся к подобным упражнениям. Они, по счастью, тут, недалеко, младший курс на плацу муштруют. И снаряжение при них…

– Возьмите, Михаил Федорович, в таких делах лишние стволы не помешают! – Ирина снова ощутила себя средневековой княгиней, в отсутствие ушедшего в дальний поход мужа берущей управление уделом и ближней дружиной в свои железные ручки. В сравнении с которыми и длань князя может показаться тяжелой, но ласковой. – О снаряжении не заботьтесь, у меня всего хватит.

Левашов не задал ни единого вопроса. Ему было достаточно взгляда Ирины и интонаций голоса.

Антон сумел попасть почти точно – плюс-минус пятьдесят метров от тайника, на перегибе Кривоарбатского переулка. Так же, как в миг *закладки*, задувал сухой морозный ветер, нес жесткую, как дробь, снежную крупу. Антона охватило непонятное ему самому чувство. Словно нравилось ему тут, в чуждом мире, опасном по всем параметрам, от чисто обывательских до мистических. Может, тем и нравилось, словами поэта выражаясь – «у бездны мрачной на краю». Как альпинисту посередине скальной стены, где на самом деле нет совершенно ничего хорошего.

Совсем рядом – квартира Юрия, к которому можно зайти и с глазу на глаз обсудить кое-какие непроясненные моменты его биографии, и до Столешникова не так далеко, и еще есть места…

Так не зайдешь. А зайдешь – завязнешь в очередном сгущении хронополя. И все же тянуло на какие-то странные в его положении поступки. Он ведь, пожалуй, в первый раз очутился в столь наглядной *псевдореальности*, неотличимой от обычной. Будто Мэлоун из «Затерянного мира», рискнувший углубиться в кишащий первобытными тварями ночной лес.

Антон подумал, что таким образом продолжается в нем процесс «очеловечивания». Как десятилетием назад превращалась в нормальную земную женщину аггрианка Ирина, так и он, порвавший с исходной сущностью, только сейчас начал ощущать себя землянином без всяких оговорок. Не стоит за спиной Конфедерация. И он давно никакой не «Тайный посол». Замок теперь не послушный инструмент резидента, а самостоятельная фигура на доске или карта в колоде. Помогает, исходя из собственных представлений о добре и зле. Неизвестно, кто для него сейчас авторитетнее, он, бывший хозяин, или Шульгин с Новиковым.

«Забавно, да?» – к случаю вспомнил Антон страничку из моих дневников. Я давал их читать всем подряд, от Альбы до Антона.

«Мы с ребятами всеми силами старались остаться людьми, по возможности – самыми обыкновенными, не давали себя захватить стихии „перерождения“ в высших существ, делали все мыслимое и немыслимое, чтобы не стать „держателями“ или кем угодно похожим. Да я даже в самом начале с негодованием отверг предложение Ирины, тогда казавшееся гарантией „супервеличия“. На самом же деле – жалкой подачкой со стола, условно говоря, „шестой фрейлины четвертой наследницы“. Мы с этими соблазнами справились. Вот такие мы мужественные и самодостаточные. Нам что красненькая советская десятка, оставшаяся до зарплаты и лихо потраченная на загул с друзьями и подругами, что миллионы царских золотых, подаренных Врангелю, – все едино. Кто-то скорее всего не поверит. Как это, мол, так? Невозможно в принципе. А вот – возможно. Думаете, я зря себя и своих друзей анализировал и тестировал в столь юном возрасте, когда многим ровесникам, кроме стакана портвейна в кафе „Отдых“ и девушку за задницу потрогать, – никаких рациональных мыслей в голову не приходило?»

Сейчас Антон прикладывал эту мерку к себе. От былого всемогущества осталось очень мало. Так хватит ему оставшегося, чтобы начать новую жизнь и удержаться на заданном его друзьями и партнерами уровне, или начнется неудержимое скольжение по наклонной плоскости? Просто не хватит характера и воли продолжить потерявшее высший смысл существование.

В процессе «просветления» он многократно пересматривал все вероятные и невероятные варианты своей прошлой биографии, выискивал точки *роковых решений*, размышлял, как жизнь *могла* сложиться.

Само собой, мелькали мысли и о том, что путь Ирины и Сильвии был бы не самым худшим выбором и для него. Но, увы, «никто не знает своего часа» и своего будущего даже на несколько шагов вперед. Даже умеющий прыгать из прошлого в будущее и обратно по бесконечному числу мировых линий. Увы – не своих личных. Твое будущее всегда будет впереди тебя, как морковка перед ослом.

Это нужно родиться пресловутым «старцем Федором Кузьмичом» (он же, по легенде, Александр Первый, Благословенный), чтобы поменять мантию, трон и корону на лапти, котомку и посох странника.

У Ирины – у той была большая любовь, у Сильвии – отчетливый факт поражения и отсутствие любой приемлемой альтернативы, а Антон пребывал на пике карьеры и в зените успеха. Что, казалось бы, ему участь землянина, пусть безмерно богатого и практически (по человеческим меркам) бессмертного?

Как бы в насмешку судьба, кто же еще (Замок и Шульгин всего лишь ее орудия), дала ему очередной шанс, причем предварительно опустив по ноздри в дерьмо. Из князей да в грязь. Плыви, если хочешь. Кому, как не агенту, проработавшему в России с царствования Александра Второго, следовало помнить основополагающую, базовую национальную мудрость: «От сумы да тюрьмы не зарекайся»? Сам Император полумира, Николай Александрович, вместе со своей семьей ее правоту изведал в полной мере. Чин святого является достойной компенсацией нравственных мучений и смерти в подвале Ипатьевского дома? Не знаю, не знаю…

В лабиринте внутренних дворов, соединяющихся друг с другом длинными гулкими подворотнями и узкими щелями между грязными двух– и трехэтажными флигелями, было темно, мрачно и уныло. Несмотря на мороз, ощутимо воняло кошками, давно не чищенными помойками, еще какой-то гадостью из подвалов и подъездов. Не скажешь, что буквально в нескольких шагах, по ту сторону бывших некогда роскошными дореволюционных «доходных домов», протянулась правительственная трасса, щеголеватый Арбат. Не светилось ни одного окна в выходящих во дворы квартирах, только сквозь грязные стекла лестничных площадок пробивался тусклый свет сорокасвечевых лампочек. Поскрипывал от порывов ветра жестяной абажур на кронштейне под аркой ворот, не столько освещая выщербленный асфальт и стены в грязных потеках, как просто обозначая направление.

Нынешняя советская жизнь и так невеселая штука, а если еще ежедневно видеть и обонять здешние «прелести», так вообще в уме повредиться можно. Не случайно увидеть на московских улицах улыбающиеся или просто благожелательные лица практически невозможно. Как-то не доходит до граждан, что жить им стало «лучше и веселее» [26].

Антон передернул плечами. Как бы не в самом мрачном периоде русско-советской истории довелось ему оказаться. Бог с ним, с «большим террором», обывателя он не так уж и касается, репрессировано, по любым подсчетам, не больше пяти процентов из общего количества населения. А такой урон практически заметить невозможно (за исключением тех, кого это лично касается).

Дело в другом – для большинства людей нынешняя жизнь – полная безнадега, что бы там ни писали газеты и бубнило радио. С момента ликвидации НЭПа с каждым годом становится только хуже. Почти десять лет, как исчезли из продажи доступные продукты, введены

[26] Цитата из одного из докладов Сталина в разгар голода и репрессий тридцатых годов. «Жить стало лучше, товарищи, лучше и веселее».

паспорта для горожан и крепостное право в колхозах. Запрещено бесконтрольное перемещение в поездах, а иных средств транспорта практически нет. Шансов на улучшение жизни для большинства трудящихся – никаких, ни в квартирном вопросе, ни в продовольственно-вещевом. А из будущего отбрасывает свою тень великая и страшная война, пережить которую не суждено слишком многим…

Раньше Антону не приходило в голову задумываться о таких вещах, они его просто не касались, как не касаются Сильвии в ее особняке проблемы обитателей лондонских трущоб. А сейчас что вдруг случилось? Что за аура в этих дворах? Эманация «коллективного бессознательного» спящих в своих коммунальных ячейках десятков тысяч людей или что-то другое, непосредственно связанное с его теперешней миссией? Шутка подсознания, вдруг вообразившего, что из-за нелепой случайности или, наоборот, *не случайности* ему предстоит остаться здесь, *в таком* СССР навсегда, в нелепом для него качестве «рядового гражданина». Без связи, без друзей, без выхода.

А что? В шкуре *просветляемого* он себя тоже никогда не представлял, а вот пришлось же…

Да все это ерунда! Сделать по-быстрому свое дело – и назад.

Он сдвинул на всякий случай в боевое положение предохранитель «браунинга» «Хай пауэр», прихваченного из Замка перед визитом в Лондон, а оттуда – в Крым. Первое, что подвернулось под руку в собственном кабинете. Кто-то из парней оставил. По забывчивости или – чтобы карман не оттягивал. Тяжелая машинка.

Раньше, на протяжении всей своей службы на Земле, он не носил оружия, за исключением моментов пребывания на театре военных действий. Не было необходимости. Но после тюрьмы оценил привычку и склонность своих друзей-землян. Пусть в девяноста процентах случаев пистолет не пригождается, но гораздо хуже, если его не окажется в действительно критический момент. Будь он вооружен, когда его арестовывали, все сложилось бы совсем иначе. Он мог прорваться, уложить *дээсника* и его сопровождение, как Шульгин чекистов, выиграть несколько решающих минут, уйти на Землю. В другую сторону тогда история имела шанс покатиться. Для него лично и всех причастных тоже…

Но здесь ему, похоже, ничего не угрожало. Режимный Арбат охранялся пуще прежнего, во дворах даже собаки не лаяли, да тогда, кстати, бродячих собак в Москве, пожалуй, совсем не было. Строгости режима плюс практически полное отсутствие продовольственной базы. Ничего мало-мальски съедобного даже для самых непритязательных дворняжек в мусорники не выбрасывалось, люди все съедали подчистую.

Он определил местоположение люка, еще раз огляделся по сторонам. Кажется, в одном из дальних окон приземистого флигеля что-то мигнуло. Может, жилец на темной кухне папироску у форточки прикурил?

Антон попытался поднять крышку. Не тут-то было. Проушины, куда следовало вставлять специальный крючок, а за отсутствием такового и палец годился, при должной крепости оного, сейчас были забиты смерзшимся снегом. И вся круговая щель между крышкой и отбортовкой тоже. Абсолютно ему такая подлянка в голову не могла прийти. Он шепотом выругался, как умел.

«А чего ж ты, аристократ, хочешь? – мелькнула самокритичная мысль. – Канализационным делам тебя не обучали. Да и когда последний раз вообще своими руками что-то делать приходилось?» – наверняка уроки просветления не прошли даром. Только лучше, если б ему не пришлось три года сидеть в хижине-одиночке, читая древние рукописи и накачиваясь синтангом, а послали его на производство, аналог Беломорканала строить или слесарить в цехах военного завода. А теперь выполнение плевой задачки на глазах превращалось в проблему, едва ли разрешимую. Что значит отсутствие практического опыта в реальных делах!

Пистолетом начать лед долбить, побегать по окрестностям в поисках подходящей железки, а то дворника здешнего разыскать, за приличную плату попросить помощи? Или – стволом пригрозить, выдавая себя за *сотрудника*? Пожалуй, это – проще всего, не имеет значения, поверит он или нет. Когда дело будет сделано – какая разница? Пусть хоть сразу бросается участковому или *прикрепленному оперу* звонить. Да как его, дворника, сейчас, за полночь, найдешь? В каком из подъездов или флигелей он ютится? Не старое время, когда стукни легонько в ворота, и вот он, с нашим удовольствием за двугривенный загулявшему барину калитку отопрет, и какую закажешь работу, ту немедленно и исполнит.

Проще всего, конечно, к Юрию заявиться, подходящий инструмент у него наверняка найдется, так снова придется что-то изобретать…

Неладно все, неладно. Не зря тревога его с самого начала не оставляла. Дело, пожалуй, не только в неожиданном препятствии, вызванном силами природы. Прошлый раз Шульгин и спрятал закладку, и изъял ее без всяких сложностей, а тут вдруг на тебе!

Получается, день в день он в нужную точку не попал. Хорошо еще, если «недолет»: полежит вещичка, никуда не денется. Пока Шульгин на яхте, он ее «в здешнем качестве» не изымет. А вот если «перелет» – тогда очень плохо. Без прибора возвращаться нельзя – вся конструкция рушится. Есть запасной вариант – проскочить по времени чуть назад, еще раз отобрать гомеостат непосредственно у Юрия и принести его заказчику, но это уже будет не то. Условие было поставлено четко – доставить *вещь* в нетронутом виде, иначе…

Так, может, и не гомеостат там вообще, нечто совсем другое, подобранное Сашкой в скитаниях между мирами?

«Да думай же, думай, – велел он себе, отступив в совсем уже темную нишу между двумя подъездами, – за сотню лет и не такие задачки решали… Сделаешь, потом сам смеяться станешь над своей растерянностью…»

Действительно, сколь велика роль случайностей в этом, по преимуществу рациональном, мире. То насморк (а другие считают – диарея Наполеона при Ватерлоо), то шальной снаряд по «Цесаревичу» в Желтом море, и последствия – грандиознее, чем многолетняя творческая деятельность правительств, партий, сотен тысяч простых людей.

Видно, судьба, или что там ее заменяет у существ рода форзейлей, решила преподать Антону небольшой урок.

Наступившая ни с того ни с сего однодневная вчерашняя оттепель, тут же сменившаяся еще более крепким морозом, поставила под угрозу существование целой Вселенной. В нынешнем ее варианте.

Вдобавок мелькнул в одном из сотен окон, глядящих во двор, слабый огонек. Кто знает, вдруг бдительный гражданин, а то сотрудник органов, поселенный сюда за специальные заслуги или для обеспечения *общего надзора,* заметил смутную фигуру, совершающую непонятные действия в непосредственной близости от режимного объекта?

Если даже просто пьяный по двору шатается – и то нечего ему здесь делать, а если не пьяный? За *сигнал* не упрекнут, а в случае *обоснованности* как-нибудь да поощрят. Нынче и грамотка почетная дорогого стоит, а если еще денежная премия с талоном на *дефицит*…

Вот и набрал товарищ нужный телефонный номер.

Антон успел разыскать в углу двора под пожарной лестницей щит с положенным по номенклатуре инвентарем и начал ковырять шилом перочинного ножа замок, чтобы добыть топор или багор. Почти получилось, и тут одновременно вспыхнуло несколько сильных аккумуляторных фонарей, скрестившись на его фигуре, а сквозь длинную арку с включенным дальним светом вкатился черный «Паккард» или плохо отличимый от него навскидку «ЗиС-101».

– Стоять! Руки за голову! Не двигаться! ГУГБ!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.